

Алёна
Снатёнкова

СЕЛФИ НА БАЛКОНЕ

Алёна Снатёнкова

Селфи на балконе

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Снатёнкова А.

Селфи на балконе / А. Снатёнкова — «Издательство АСТ», 2020
ISBN 978-5-17-134641-6

Моя скучная жизнь закончилась, когда соседка по квартире превратилась в настоящего сталкера. Ее идея фикс – самоуверенный болван с изюмом вместо мозга. Только вот беда: ему не она нужна, а я. Конечно же, нужно держаться от него подальше. А как это сделать, если по стечению обстоятельств мне придется жить с ним под одной крышей?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-134641-6

© Снатёнкова А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	14
5	16
6	20
7	24
8	27
9	30
10	33
11	36
12	40
13	43
14	46
15	49
16	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алёна Снатёнкова

Селфи на балконе

Copyright © Алёна Снатёнкова, текст, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

1

– Он мне снова изменяет! – раздался Викин вопль из кухни, за ним последовал звук брошенной в раковину вилки. Или ложки. Не знаю, что у нее было в руках, когда она завизжала, как обезьяна-ревун. Мне в такие моменты всегда хочется засунуть голову под подушку, чтобы не слышать звук, напоминающий что-то среднее между лаем собаки и воем раненого осла.

Впрочем, спрятаться я, как обычно, не успеваю. Потому что в следующую секунду дверь открывается, громко ударив по стене. В комнату влетает разъяренная фурия с бутылкой вина в одной руке и чайным стаканом в другой.

– С которой по счету за эту неделю? – Калькулятор зависнет, если мы начнем суммировать всех баб Корнеева, увидающих за его королевской персоной. А сегодня вечер воскресенья, и мне отдохнуть хочется, а не бухгалтером-следопытом подрабатывать на бесплатных началах. – Может, тебе хотя бы на денек оставить роль сталкера и перестать мониторить его инстаграм?

Вику Звягину я знаю чуть больше двух лет. Познакомились мы на первом курсе, первого сентября. Она тогда на линейку пришла в красивом белом платье, на которое все тут же обратили внимание. Шикарная блондинка с невероятными голубыми глазами стала звездой дня. Она взмахивала длинными ресницами, блуждая взглядом по толпе, словно пытаясь кого-то найти. Как сейчас помню: парни ломанулись в ее сторону, предлагая помочь. Одарив всех своей голливудской улыбкой, она что-то сказала, отчего поклонники разбежались в разные стороны, роняя листки с расписанием занятий. Оставшись одна, она продолжила искать неизвестного взглядом, пока на нее кто-то случайно не вылил стаканчик холодной колы.

Мне захотелось прикрыть уши руками, когда это милое, на первый взгляд, создание закатило такую истерику, которую до сих пор многие вспоминают, стоит только Вике появиться в толпе студентов. Звягина принадлежит к тому типу людей, кто всего лишь одним взором может убить, разжечь войну или создать мир на планете. Нерадивых студентов она прожигала нас kvозь, и максимум, что они могли сделать в ответ, это за глаза обозвать стервой, минимум – растянуть губы в корявой улыбке, желая как можно скорее исчезнуть.

Я была из тех, кто на Вику со стороны смотрел, но близко старался не подходить. Весь год мы общались друг с другом в духе «Привет-привет. Пока-пока». Меня это вполне устраивало. Лишнего внимания не хотелось, а ей было не до обычной девочки, которая ходила с недорогой сумкой, весившей пять килограммов. Разве противоположности могут жить вместе? Но так уж вышло.

– Перестать? Тусь, ты башкой ударила, что ли? Какой тут перестать, если к нам в институт скоро студентки по обмену из Германии приедут? Ты хоть представляешь, сколько придется следить за ним, чтобы этих пивных бочек от Дани отгонять? – Вика плюхнулась на мою кровать, нагло забрав подушку из-под моей головы, чтобы подложить себе под спину. – Да я в институт поступила только потому, что он там учится.

– Точно. Приехала к тетке в гости, пошла с ее дочкой в клуб. Там встретила его, через новых знакомых узнала фамилию и имя, пробила по соцсетям и решила, что только смерть может помешать вам быть вместе. Все помню, ты говорила это, кажется, миллиард раз. Но забыла, что я к твоей слежке никакого отношения не имею. Сама по барам и клубам бегать будешь.

Не удивлюсь, если когда-нибудь ФСБ пригласит Викторию на собеседование и пообещает высокую зарплату с карьерным ростом, чтобы она работала на них. Соседка, несмотря на свой юный возраст, была отличным детективом. Она, лежа дома в ванной, меньше чем за минуту могла собрать информацию об абсолютно любом человеке. А уж если дело касалось Корнеева, то он не успевал еще подумать, как она уже знала, что он будет делать и в какую сторону поедет.

– Ну, начались танцы на похоронах. Что ты за человек такой? Главное, как помочь нужна, так ты бежишь, хвостом виляя: тетя Вика, помоги. А как мне – делаешь вид, что невидимка.

Забыла упомянуть, что у Вики проблемы с памятью. Вернее, она путается в деталях. Конкретно так порой. Особенно сейчас.

– Давай договоримся, когда в следующий раз увидишь мой виляющий хвост, можешь смело отказывать в «помощи». Только не забывай, что обычно все наоборот происходит.

– Не придирайся к словам. Несколько раз помогла, так теперь указываешь на это постоянно. Лучше б подсказала, что делать.

– Например, перестать обновлять ленту. Выключить телефон, а лучше совсем выкинуть его и заняться чем-то новым. Может, уборкой? Вик, ты второй день обещаешь вещи свои из тазика в ванной забрать. Ты их для чего там замочила? Для плесени?

– Да вытащу сейчас. Вытащу. Не ной только.

И так всегда. Живя с Викой, я порой ощущала себя ее мачехой. В моем понимании, добродой, в ее, конечно, злой. Девушка – единственный ребенок в семье, к тому же поздний. В первый же день совместного проживания было понятно, что ее скорее пряниками закармливали, чем кнутом угрожали. Например, девушка отказывалась мыть за собой посуду, а вещи могли валяться в комоде для обуви. Для меня увиденное было шоком, ведь мне с детства говорили, что чистота – залог здоровья. Расти в семье, где папа – прапорщик, дело неподдельное: привыкаешь к дисциплине и порядку.

– Эта дрянь все еще с ним. Только посмотри, куда она ему руку положила.

Мне на коленки падает телефон, а девушка вскакивает на ноги и начинает нервно нарезать круги по маленькой комнатушке.

И даже смотреть не нужно, чтобы знать, что увижу. Скорее всего, на фотографии Корнеев, а рядом с ним какая-нибудь королева красоты. Именно такие кадры заставляют Вику заниматься легкой пробежкой.

– Так, собираемся. Я этой гадине пальцы все пересчитаю.

Кровожадности во мне с рождения не было, поэтому я даже не намерена представлять, что именно подруга собралась делать с бедной девушкой.

– Ну уж нет. Не хочу ночью ехать неизвестно куда, чтобы стать свидетелем твоих выходок. Завтра на учебу. Ты, кстати, помнишь, что препод обещал не пустить тебя на пару, если еще раз опоздаешь?

– Да плевать мне на него. Я на платном учусь, пусть только попробует что-то сделать. – Вика забирает свой телефон и направляется к двери. – Надо родителям позвонить, чтобы денег прислали. Если мать спрашивать будет, скажешь, что у нас кран сломался, и мы сантехника вызывали. А то на клуб точно не дадут.

К сожалению, Звягинцы-старшие, в силу своего возраста, были людьми доверчивыми. И Вика, не стесняясь, пользовалась этим. Врала и не краснела. Когда увидела в магазине дорогоющие сапоги, она наплела про поборы в институте. Когда в порыве истерики разбила ноутбук, родителям сказала, что его просто украли и срочно нужен новый. И они переводили. Откладывали с пенсии и отправляли единственному ребенку, желая, чтобы тот ни в чем не нуждался и не выделялся. Вот и сейчас девушка хнычет в трубку, рассказывая про мини-потоп в квартире.

Во мне человечность бунтует, но сделать ничего не получится. Как-то пыталась поговорить с ней, вразумить, но ничего не получилось. Дошло до скандала с угрозами, что она сейчас же съедет от меня. Я ее не останавливалась, но мне такого исхода не хотелось. Опять бы пришлось по квартирам мотаться. А найти что-то хорошее и на мой бюджет – большая сложность.

Поэтому в чужую семью я лезть перестала и стараюсь с ее мамой не пересекаться, чтобы лишнего не рассказать.

– Все, я ушла. Шведова, ты скоро сама плесенью покроешься вместе с учебниками, если не начнешь жить, как все нормальные люди нашего возраста.

Если честно, я даже рада, что Вика уехала. Никто перед сном не будет бубнить про Корнеева и его неземную красоту. Никто не будет греметь посудой. Можно в тишине закрыть глаза и провалиться в сон, в котором Даниил надо мной смеется. Кто же знал, что сон-то вещий?

2

Я совру, если скажу, что просыпаюсь по первому будильнику. Обычно на раскачку уходит минут двадцать. Потом я бегаю по комнате, будто пчелами покусанная, и пытаюсь привести себя в порядок. Сегодня было так же. Первый звонок я отключила, не открывая глаз. Телефон оказался под подушкой, я же пыталась не провалиться в сон, считая про себя до десяти. Кажется, это не очень-то помогло, потому что, когда сигнал повторился, я подскочила и начала метаться, уверенная, что проспала и на пару все-таки опоздала.

Спросонья я даже не поняла, почему за окном еще темно, а звук будильника не похож на мелодию, которая меня будит уже на протяжении двух лет. Это больше напоминало входящий вызов. И все это до меня дошло, когда чайник на кухне уже был поставлен, зубы почищены, а одна нога упорно не хотела пролезать в узкие джинсы.

Резвой козочкой я поскакала в свою комнату, плечом ударившись о дверной косяк. Больно. Синяк будет, но меня сейчас волновало другое.

Я ненавиделаочные звонки. Часы показывали четверть третьего, и до крика петуха еще далеко. Вроде ничего страшного и нет, можно снова спать лежь, но я считала, что такие вызовы ничем хорошим не заканчиваются.

Предчувствие меня не подвело.

Вы ведь уже поняли, что звонила Вика? Из всех моих знакомых Звягина была единственным человеком, который в это время может не спать.

– Вика! – По моему голосу и не скажешь, что минут пять назад я еще на единорогах во сне скакала. – Я прибью тебя. Утоплю в твоем же тазике.

Я уже говорила, что соседка иногда страдает провалами в памяти? Она вечно забывает взять с собой ключи. Поскольку домофон в нашей квартире не работает, мне каждый раз приходится спускаться вниз, чтобы запустить принцессу в ее мини-королевство.

На другом конце трубки я слышала дикий грохот, сопровождавшийся чьим-то бешеным криком.

– Шведова, быстро приезжай сюда. Если ты сейчас не заберешь Звягину, то она точно нарвется на поход к стоматологу.

Мой рот невольно открылся от изумления, и, кажется, даже пульс замедлился.

Не могу сказать, что мы с Викой были лучшими подругами. Мы жили вместе, учились в одной группе, она мучила меня своими рассказами. На этом все. Но даже при таких отношениях я хорошо знала ее настоящую школьную подругу, с которой они иногда уходили в загулы и захламляли нашу маленькую квартирку. И поверьте, Вика – ангелочек по сравнению с Людкой Степашкиной.

– Люд, вы не дети, поднимите попы и уходите. Ты время, вообще, видела?

Надеюсь, раздраженные низкочастотные колебания голоса передали ей весь мой негативный посыл.

– Хватит строить из себя Пресвятую Деву. Если я говорю, что Звягиной нужна твоя помощь, значит, она нужна.

И не сказав больше ни слова, она бросила трубку.

– Пить меньше надо, чтобы посторонняя помощь не требовалась, – пробормотала я в пустоту. На телефон пришло смс с адресом, откуда мне прямо сейчас нужно забрать соседку.

Потом начались поиски кошелька. Я вывернула сумку, проверила все карманы, а этот антирадар для денег покоялся на подоконнике. Как все некстати. Метро уже закрыто, общественный транспорт давно не ходит, а идти пешком я буду целую вечность. Единственный вариант – такси, но на него хватает впритык. А это значит, что завтра на учебе придется есть не сосиску в тесте с теплым чаем из пакетика, а пить водичку из бесплатного кулера в библиотеке.

Вот она, реальная жизнь небогатого студента.

Одна поездка в такси может оставить без кусочка хлеба с маслом.

Но кому я это говорю? Сама с собой разговариваю. Вика не поймет, скажет, что у родителей просить чаше надо. Мол, на то они и мама с папой, чтобы чадо свое содержать. Только я так не могу. Совесть не позволяет.

Я собираю в хвост торчащие в разные стороны волосы. Причесываться некогда, так что придется всем смотреть на лохматое существо, которое никак не может перестать зевать. Наверное, увидев себя со стороны, я бы посмеялась. Но у меня уже есть план: постараюсь никому не попадаться на глаза, заберу Звягину и снова в машине спрячусь. Идеально, правда?

Хорошо, что я джинсы уже натянула успела. Время сэкономила. Накидываю на пижамную майку с цветочками спортивный бомбер и бегу к выходу, по пути завязывая кроссовки.

Выскочив на улицу, я включаю фонарик на телефоне. Стоянка такси за углом, но я совершенно не любительочных прогулок, поэтому жалкие двести метров даются с трудом и страхом. Один раз даже показалось, что за мной идет кто-то, потом, правда, поняла, что это моя же тень.

А чего вы хотели от человека, мозг которого еще спит?

Бесстрашия и подвигов?

Не смешите.

Удивительно, но доехали мы быстро. Попросив пожилого водителя подождать меня несколько минут, я вышла на улицу и только потом поняла, что подвезли меня не к какому-нибудь клубу, а к обычной многоэтажке спального района.

– Простите, а это точно Кирова, девяносто шесть?

Если Степашкина перепила и адрес не тот дала, то я ей каждую нарощенную ресничку пинцетом безжалостно вырву. Сама. Я, между прочим, не миллионерша. И кататься туда-сюда возможности не имею.

– Точно, точно. У меня в этом доме сестра раньше жила. Ты иди скорее, счетчик-то работает...

– Спасибо. Я сейчас.

Я закрываю дверь, но не успеваю достать телефон, чтобы набрать Людке. Из подъезда вываливается толпа народа, госящая на всю округу.

И словами не передать, как захотелось все бросить и оставить Звягину и Степашкину расхлебывать свои проблемы самостоятельно. Меня будто током прошибло от взгляда на этих не очень адекватных людей. Но деваться некуда, я уже здесь, да и Вика кричит, точно ее убивают.

Шаг.

Еще один.

И я замираю, когда вижу, что соседка тянет за волосы блондинку, повисшую на Корнееве.

3

Не отрываясь, я смотрела на происходящее и до последнего надеялась, что это все дешевый спектакль немногих выпивших студентов. Будто сейчас Вика отпустит чужую шевелюру и выскочит ко мне из толпы с криками: «Повелась, да? Шведова, теперь будешь знать, как мне отказывать». Тогда бы я, конечно, ей волосяной покров на голове проредила, но это была бы уже совсем другая история. наверное, не такая кровожадная.

– Туська приехала!

Я и понять толком не успела, как все внимание на меня переключилось. Серьезно, дикий визг Вики, выкрикивающей мое имя, и уже через мгновение я становлюсь мировой суперзвездой, и все фанаты пожирают меня глазами.

Ага, Туська приехала.

Туська домой хочет, побыстрее и с живыми нервными клетками.

Только ей приходится плотнее в кофту укутываться, нос почесать, а потом на ватных ногах к рингу идти, где бой в самом разгаре. Ведь если глаза все подняли, то руки Вика еще не опустила.

– Вик, такси ждет. – Не кидаться же мне в самую гущу и не орать, что всех порву. Я дипломатично начала. Вдруг им именно этого для успокоения гормонов не хватает. – Поехали.

Для убедительности я махнула рукой в сторону машины.

А что, может, Вика догадается, что счетчик тикает и, скорее всего, ей еще скидываться придется. Вдруг жадность до денег разом выбьет дурь из башки?

– Наконец-то она приехать соизволила. Ты пешком иль на баране? – себе под нос ворчала Степашкина, и, конечно же, ее слышали все.

– Прости, тебя не дождалась, – огрызаюсь в ответ, скрещивая пальцы в кармане брюк.

– Bay. В нашем курятнике пополнение. Дань, смотри, свежая кровь.

Вот же... Суханов.

Как я могла не заметить дружка Корнеева? Этого верзилу почти в два метра ростом, с неподходящим для него именем Назар. Уж не знаю, что у них за братские отношения, но где есть Корнеев, обязательно будет Суханов.

Приедем домой, точно Звягину утоплю за этот маскарад.

– Еще одна неуравновешенная, скорее всего. Сухой, надо сваливать, пока перья не полетели.

А вот и Корнеев голос подал.

Высокий парень в темных джинсах и белой рубашке с двумя расстегнутыми сверху пуговицами. Модная укладка. На руке те самые дорогие часы, про которые недавно Вика трещала без умолку. Говорила, что наших почек не хватит, чтобы себе такие позволить. Я на его руку крепкую смотрю и ничего особенного в них не замечаю. Часы как часы, время показывают. Но это, наверное, только мое мнение, ведь по закону понты не запрещены.

Дан-болван, простите за сарказм, сканирует меня взглядом, и его лицо в какой-то момент растягивается в идиотской ухмылке.

– Закончили осмотр? А теперь расходимся. Вика, отпусти уже девушку, и поехали.

Пожалуйста, хотела добавить я, но сдержалась, чтобы совсем жалкой не показаться. И так все заметили, что мне некомфортно здесь находиться. Я домой хочу. Закрыть глаза и забыть обо всем.

– Туська, не лезь. Я этой гадине еще не все волосы выдернула.

Благоразумие и Звягина – вещи несовместимые.

– Да ты пьяная уже. Пусть Туська ей вмажет. Ты говорила, что она драться умеет.

А вот кретинизм и Степашкина – слова-синонимы.

Несколько месяцев назад мы с Викой поздно ночью ходили в магазин. Когда шли с пакетами обратно, к нам пристал какой-то алкаш. Сначала просто рядом шел. Потом пытался заговорить. А Звягина его в пеший поход послала, по известному адресу, и мужик озверел. Я ближе к нему была, поэтому мои сумки полетели в сторону, а сама я приземлилась на мягкое место. От соседки, конечно же, помочь не было. Она сразу же к дому побежала, оставив меня одну. Вот и пришлось вспомнить все, чему меня папа учил. Страшно было настолько, что я имя свое забыла. Поэтому, пока мужик Вику взглядом провожал, выкрикивая «нежности», я его по ноге ударила и, забыв про пакеты, устремилась к дому, обгоняя соседку.

Тогда была моя первая и единственная драка в жизни.

– Я сама с этой овцой разберусь, – кричит Вика и тянет ее на себя.

– Я вам всем головы откручу, – угрожает в ответ соперница, у которой с каждой секундой волос становится все меньше.

В этот момент я поняла: они стоят друг друга. И даже вмешиваться мне не хотелось, но добруму таксисту надоело ждать, и он начал сигнализировать.

Господи, что я творю? Сама лезу в драку.

Родители, простите. Не оправдала я ваших надежд.

– Вика! – кричу так, словно из меня изгоняют демонов, и пытаюсь приблизить девушку к себе, схватив за талию.

Разумеется, ничего не получается. Почти лысая гадина, а именно так я ее теперь буду называть, отталкивает меня в сторону. Я падаю на самого Корнеева, который уже успел отойти на несколько шагов.

Хорошо, что Вика занята делом. Если бы девушка увидела, что объект любви меня почти обнимает, то без волос осталась бы я.

– Осторожнее. Задавишь меня.

Вот же козел.

– Ничего страшного. Может, став лепешкой, ты поумнеешь. Разними их!

– Сдурула? Шоу такое пропустить?

Я уже не обращала внимания на кучку бойцов, их голоса стали фоном. Я же смотрела на парня, которого происходящее всего лишь забавляло.

И что подруга в нем нашла?

Придурок. Это даже красивая мордашка не компенсирует.

– Они из-за тебя покалечат друг друга.

– Эти идиотки стул не могли поделить. Я здесь ни при чем.

– Деревянный, наверное. С тупым именем Даниил.

– Фильтруй, что несешь. Разговорилась тут.

Повторюсь: Вика идиотка, раз с ума по нему сходит.

– А я и фильтрую. Ты себя кем возомнил, Корнеев? Царем и богом? Считаешь, что можешь поклонниц стравливать и ржать над этим? Мама в детстве не учила, что девочек защищать надо, а не относиться к ним, как к помойной яме? Ты самоуверенный болван, раз так себя ведешь. Знаешь, лучше бы они тебя дубасили, а не друг друга.

До меня только сейчас дошло, что все звуки утихли. Клянусь, я даже шума проезжающих машин не замечала. Наступила гробовая тишина, в которой все услышали мою пламенную речь.

– Ты на кого рот свой открыла? – за моей спиной гавкнула лысая гадина. Обернувшись, я увидела, что она, как локомотив, несется в мою сторону.

Это что, шутка?

Или она серьезно решила кулаки свои на меня направить?

Что за?..

Корнеев их привораживает, что ли? Чем?

Тяжело вздохнув, я приготовилась к шагу в сторону, не оставаться же мне на месте, когда тигр с открытой пастью несется.

Блин.

– Стоять! – Когда до столкновения танка и маленького велосипеда оставались считанные секунды, над нашими головами прогремел глас раздраженного Корнеева. – Пошла отсюда.

О, он ко мне обращается?

Я с удовольствием. И плевать, что это было сказано в грубой форме. Разворачиваюсь, но меня за руку хватают и на месте удерживают.

– А ты, Пижамка в цветочек, останешься. Кто еще не понял? Свалили живо!

Мой папа пожал бы ему руку и посоветовал бы идти служить в военную часть. Он только отдал приказ, и все тут же испарились. Боковым зрением я видела, как Вика, прихрамывая, пошла к машине, а ее школьная подруга скрылась за углом.

– Отпусти меня.

Ага. Меня еще из тисков не освободили.

– Корнеев, руку отпусти!

А он не слушает. Внимательно вглядывается в мое лицо и только улыбается.

– Значит, самоуверенный болван.

– Да. Теперь отпустишь?

Ой. А что он делает? Зачем наклоняется? Почему Звягина не бежит сюда, чтобы со своим идолом наедине побывать?

– Спокойной ночи, Натали. Мои печали ты утолишь потом, – прошептал он мне на ухо, а затем отпустил.

Вот так просто, даже рот мне не заткнул за такие слова, а взял и отпустил. Вдавливаю ногти в тонкую кожу, проверяя, в реальности ли я. Осознав все, я срываюсь с места и лечу к машине, а затем запрыгиваю на переднее сиденье.

– Теперь обратно? – спрашивает таксист, кивая на подругу, которая уже посапывает сзади.

– Ага.

– Все в порядке?

Откидываюсь на сиденье и анализирую, что я сегодня пережила. Это дичь какая-то. Но... поворачиваюсь к заботливому мужчине и киваю головой.

«Натали, утоли мои печали, Натали».

Дурацкая песня.

Чертов Корнеев!

4

Укладывая Звягину спать, я была уверена, что утром она как минимум попросит прощения, как максимум клятвенно заверит, что на следующей пьянке съест симку и не будет мне звонить.

Виктория – человек, который умеет удивлять.

Поэтому с утра меня взбодрил не мой будильник, а похмельный вой раздраженной соседки.

Врать не стану, я успела злорадно посмеяться в подушку перед тем, как дверь со всей силой вновь ударила о стену. Кажется, что еще такого же удара дерево не вынесет.

– Какого черта ты вчера меня опозорить вздумал?

Удивление? Нет. Я ощутила шок от такого заявления.

– Ты хоть соображаешь, что обо мне теперь думать будут?

– И тебе доброе утро. Можешь не благодарить, обойдусь.

Смотрю на часы и радуюсь, что у меня в запасе еще минут десять, чтобы понежиться под одеялом.

– Благодарить? За что? Даня теперь думает, что я общаюсь с какой-то колхозницей, которая по улицам в пижаме доисторической ходит! За это? Ты могла хотя бы одеться прилично?

Из головы тут же вылетели все мысли и надежда на короткий сон.

– Уж извините, что не подумала о внешнем виде. Вик, а как надо-то? Выпускное платье подошло бы, или тут случай особый, и мне сперва в магазин заехать следовало?

Тоном, которым я произносила каждое слово, можно с легкостью заморозить Африку.

– Хватит ерничать. Тусь, ты меня подставила вообще-то.

Глаза человека – открытая книга. Все мысли, идеи можно в них прочитать. Я смотрю на соседку, из-за которой у меня была веселая ночка, и замечаю лишь осуждение. Она действительно не чувствует своей вины.

– Подставила? Да как у тебя язык не отсох это говорить? Я последние деньги спустила, чтобы твою пьяную задницу забрать. Меня какая-то гадина чуть с кулаком своим не познакомила. И это я фиговая? Отлично! Дверь за собой закрыть не забудь.

В данный момент мне было плевать, что мы сейчас переругаемся, Вика психанет и съедет. Плевать, что снова придется искать комнату, а перед этим в ломбард сходить, чтобы было чем все оплачивать. Ведь родителям мне совесть не позволит звонить, поэтому и придется с единственными золотыми сережками рас прощаться. Плевать. Даже объяснить сложно, какие эмоции во мне бурлили в эту секунду.

– Тусь, остынь. Ну, извини меня. Знаешь же, что дурой бываю.

– Бываешь?

– Бываю, – сквозь зубы отвечает она. – Я не помню, что на тебя кто-то кидался.

Выдыхаю, пока эмоции потихоньку затухают. Опускаю ноги на пол и, не смотря на соседку, захожу на кухню, зная, что Вика идет следом.

Искренне сочувствую соседям, ведь Викин топот даже у меня в голове отдается.

– Тусь, кто тебя ударить хотел?

– Главное – ты помнишь, что я тебя видом своим опозорила, но не помнишь, как твой спарринг-搭档 хотел меня в стену припечатать? Мило, Вик. Очень. А главное, как полезно. Отличная отмазка на все случаи жизни. «Простите, я была пьяная и не помню, как кого-то грохнула», «Извините, но я упустила момент, когда грабила банк». Ты зачем вообще дрались полезла? Думаешь, болван Корнеев стоит этого?

– Стерва приклеилась к нему.

– И поэтому ты возомнила себя великим парикмахером и решила девчонку без волос оставить? Мне стоит тебя бояться?

– Нет, конечно. Ты же не собираешься на моего Данечку покушаться.

С нервным смешком я размешиваю чай в стакане.

– В этом можешь не сомневаться. Бабники, самоуверенные засранцы и придурки, у которых вместо мозга – изюм, совершенно не в моем вкусе.

Как сказала-то. Надо будет где-нибудь записать.

– Я рада. И прости, но я повторюсь, ты меня вчера опозорила пижамой своей дурацкой. У нее не воротник, а взлетная полоса.

Да нормальная у меня пижама. Нормальная. Мне ее бабушка подарила на Новый год. Несколько лет назад. Ну и пусть, что в цветочек и в моде была лет пять назад. Мне удобно. А Вику она всегда не нравилась – ей пеньюары кружевные подавай. Чтобы все нужное подчеркивали, а ненужное скрывали, впрочем, последнее к Звягиной не относилось: ей маскировать было нечего. Даже странно, что Корнеев на нее внимания не обращает. Вика в его вкусе. Она даже волосы специально обрезала, потому что где-то услышала, что он длинноволосых не любит. Глупая. Я бы никогда такого ради парня не сделала.

– Вот можешь прямо сейчас садиться на эту взлетную полосу и лететь к Степашкиной. Она тебя ничем не опозорит.

– Людка – дура. С ней только и можно, что в клуб сходить. А ты у меня самая лучшая, заботливая.

Я лишилась дара речи. Это меня сейчас похвалили или мышью серой назвали? Вика поняла, что ляпнула, не подумав, моментально ко мне подскочила и протянула пачку вафель.

– После пар домой вернемся, и я полы помою. И ванную освобожу. Договорились?

– Нет.

Хотя, похоже, совесть у Звягиной все-таки проснулась. Ни разу я не слышала от нее слов «помою пол». Удивительно. Вероятно, алкоголь еще не весь выветрился.

Хоть меня и разбудили раньше обычного, но на пару мы все равно опоздали. Уже в двух я вспомнила, что оставила телефон на тумбочке. Идти в обуви не хотелось, поэтому я попросила Вику его принести. Она как раз вину свою вроде бы чувствовать начала, а такое, вообще, редко случается, вернее – никогда, вот я и использовала это на полную катушку.

– Тусь, тебе тут мама звонила.

– Что за привычка копаться в чужих телефонах? Может, мне там любовь всей жизни пишет, а ты свой нос суешь?

– Ага. Фиговая у тебя любовь, раз песню Лепса скидывает. Наталья, а вы мне не рассказывали, что у вас кто-то появился. Он старик, да? Конечно. Какой нормальный парень может слушать такую фигню?

– Давай уже, – неожиданно для себя повышаю голос.

– Ты бы его хоть записала. Кстати, номер какой-то знакомый. Черт. Это уже белочка. Кофе мне и срочно. Трезветь надо.

5

Никогда я еще так не радовалась чужому похмелью.

Страшно подумать о последствиях, если бы Вика узнала номер отправителя. Ага. Страшно. Она как-то собиралась на девчонку с пятого курса зеленку вылить. Всего лишь за то, что она одевается круче и имела наглость, проходя мимо Корнеева, поздороваться. Что же она для меня придумает, если узнает, кто мне песни шлет? У нее мозг от переизбытка идей закипит. Жесть какая-то.

Ну, о чем я только думаю?

– Тусь, отвлеки меня, а?

Что?

Я всю дорогу до института слушаю причитания человека, у которого голова «трещит по швам». Не знаю, каково это, но по внешнему виду Виктории кажется, такие ощущения сложно назвать приятными.

– Если на руки встану, поможет?

– Вот что ты ерничашь? Ты хоть представляешь, как мне плохо? И, как назло, ларька никакого поблизости нет, воды купить.

– Даже и представлять не хочется. Но ты терпи, в следующий раз думать будешь, прежде чем в себя градус заливать.

Вика лишь фыркнула и, как маленький обиженный ребенок, показала язык.

Господи.

Ну, взрослый человек.

Время поджимает, до пары остается двадцать минут, за которые нам еще нужно до института дойти, на третий этаж подняться, где у нас философия будет проходить, и тетрадки разложить. А Звягина еле ногами передвигает, как кобылка раненая. Мне бы ускориться, но ведь не бросишь больного, который полы обещал в квартире помыть. Теперь следить за ней придется, чтобы не свалила куда-нибудь. Вика может. Ей спуска дай, покажи слабину, и все. Она убежит, как молоко из кастрюли, оставив вместо себя бардак, который мне одной разгребать придется.

Конечно, дело не только в уборке. После утреннего смс от Корнеева как-то не хочется с ним столкнуться. Как показала практика, у меня рядом с ним язык чесаться начинает. Говорю все, что думаю, хотя должна молчать в тряпочку. Серьезно, вот зачем сорвалась на него? Человеку плевать на мое мнение.

Еще Вику дурочкой называю.

Сама не лучше.

– Туська, шевели копытами своими. Вон Даня едет.

Вот черт.

– Быстрее, я должна с ним поздороваться.

Лучше бы она так на лекции бегала или в магазин за луком, когда я ее прошу.

– Иди. Группа поддержки останется здесь и будет мысленно кричать: «Вперед, медведи».

Звук шин привлекает мое внимание, и я вижу, как Корнеев выходит из машины.

Эту тачку я знаю.

Сначала мне ее папа показал. Мы на логане в магазин поехали, а там на парковке это чудо инженерии красовалось. Папа, как кот, облизывался, любуясь на шикарную коробку с колесами. Говорил, что, как только на пенсию уйдет, ограбит инкассаторскую машину и купит себе эту тигрицу с буквой «L» на руле. И плевать, что небо в клеточку видеть потом будет. За такие слова он, конечно, от мамы подзатыльник получил, но я успела рассмотреть и запомнить предмет, из-за которого папа помолодел лет так на пятнадцать.

А потом Вика начала трещать про новую игрушку Корнеева.

Так что я даже рядом с такой машиной не стояла, но знала о ней все. Вплоть до расхода топлива и количества лошадок под капотом.

– Шведова, шустрее. Сейчас Суханов, как обычно, из-под земли выскочит и утащит моего малыша.

Она серьезно?

Малыш?

Фу, какое извращение.

– Лети, Карлсон, спасай своего малыша от Фрекен Бок и ее плюшек.

Я помахала Вике ручкой, а сама ускорила шаг, чтобы не опоздать. Только вот проблема: мажор Корнеев припарковался на тротуаре так, что незамеченной проскользнуть мимо никак не получится.

Черт.

А если он вздумает что-то ляпнуть при Звягиной?

Может, пересидеть где-нибудь?

Пропустить одно занятие – это же не преступление. Так Вика несколько раз в неделю говорит. Вот я и проверю ее слова. Должна же я знать, можно ли доверять человеку, с которым под одной крышей живу.

Так, стоп!

Буду я еще от Корнеева прятаться. Где это видано?

Плевать.

Носик кверху, грудь вперед, плечи расправлены. Я жираф, который никого под ногами не видит. Я мужественная слониха, которая не боится всяких там мышей.

Вперед, Туся. Только вперед.

– Ну, что? Может, прокатишь меня сегодня после пар? – с каждым шагом я все отчетливее слышу голос Звягиной, которая с присущим ей обаянием пытается подластиться к своему кумиру.

– Это вряд ли.

– Ну, Да-а-ня. Тебе сложно, что ли? Я никогда в жизни еще не сидела в таких машинах. Исполни мою мечту.

Говорит Вика, а стыдно мне. Прямо чувствую, как краснеют уши.

Не смотря по сторонам, я поравнялась с парочкой и попыталась их обойти.

– Пижамка в цветочек тоже покататься хочет? Подруга твоя?

Ну, е-мое.

Про пижаму-то зачем вспоминать?

Ума совсем нет?

Смотрю на Вику, чтобы увидеть ее реакцию, но та так поглощена объектом страсти, что, кажется, пропустила его слова мимо ушей.

– Тусь, подожди.

Нет. Услышала.

Интересно, моих двух копеек в кармане хватит на веревку с мылом?

– Дань, ты нас двоих прокатить хочешь?

Чего этот Корнеев на меня-то смотрит? Еще немного, и в моем лбу дырка останется.

– Тут уж без меня. Вдвоем катайтесь.

– Боишься? – Парень всем корпусом развернулся ко мне и стреляет глазами.

Вот же... гад.

– Занять чей-то деревянный стул? Наверное. Там заноз много.

– Дань, а давай прямо сейчас? – Вика пытается завоевать его внимание. Вон как по локтю гладит. – Я, правда, никогда с пар не сбегала, но попробовать хочется. Тем более вместе с тобой.

Ха-ха три раза.

С пар она не сбежала. Да некоторые преподы уже забыли, как выглядит студентка Звягина. Никогда не понимала людей, которые врут, чтобы казаться лучше.

Что им это дает?

– Одна заноза все-таки есть. – Эй, вот чего он опять на меня смотрит, а Вику не замечает? – Не получится никуда поехать. – Упс. Ошиблась. Теперь он к ней обращается.

– Почему? – капризничает соседка.

– Бензина нет. А он нынче дорогой. Карманных денег не хватает.

Эта самая тупая отмазка из тех, что я слышала. Даже мой папа придумает лучше. А у него, на минуточку, с чувством юмора катастрофа.

– Бедненький. Голодаешь?

Вот опять я рот вовремя закрыть не смогла.

Да что ж такое творится?

Магнитные бури?

Надо у бабули спросить. Она про это все знает. А сейчас стоит бежать, пока ответная граната не прилетела.

Вика меня догнала у самого крыльца. Удивилась ли я, что они никуда не поехали? Конечно, нет. Он от нее и до этого шарахался, вряд ли сейчас что-то поменялось.

– Не стал он свою копилку разбивать ради поездки?

– Нет. – Соседка надулась и схватила меня за руку. – Я уже говорила, что ты меня подставила? Даня заметил, в чем ты приперлась. Даже кличку придумал. Вот как теперь с тобой общаться, если все будут называть тебя Пижамка в цветочек?

– Есть вариант молча? Он меня больше всего устраивает.

Вот проблемы у человека.

Ужас.

– Кстати, про какой деревянный стул ты говорила?

– Из которого Буратино смастерили. – Я тяну Звягину к лестнице. Пять минут осталось.

– Так его же из полена сделали. – Девушка замирает, и по лицу видно, что действительно усердно думает.

– Да? Ой, забыла. Вот скажи это при Корнееве, и он будет знать, что ты умная, а подруга у тебя тупая как пробка.

Блин, Вика так улыбнулась, словно я ей действительно что-то стоящее подсказала. Как можно шутку-то не понять?

Хорошо еще, что пара начиналась и нам бежать нужно. Разговаривать как-то совсем не хотелось. Я достала телефон и на сообщение посмотрела. Зачем он вообще написал?

Это ведь он?

Кто еще станет эту песню присыпать?

Хотя все мальчишки в школе постоянно ее напевали, стоило мне только в класс войти. Им было весело, а я тогда имя свое ненавидела. И ненавидела Лепса, который эту композицию исполнил. Лучше бы он про рюмку свою запевал, а имя мое не трогал.

Да, Корнеев прислал. Точно он. Даже Вику номер знакомым показался.

Влипла ты, Шведова.

Еще как влипла.

Черт.

Вспомнила, и парень снова объявился.

Кручу телефон в руках и никак не решаюсь открыть новое сообщение.

Вдо-о-о-ох. Выдох.

Я – жираф: никого не вижу и никого не боюсь.

«Карманных денег хватит на поход в кафе. Жду».

Пфф. Жди.

Это законом не запрещено.

6

Вика сидела рядом и, уткнувшись в свой телефон, не обращала ни на кого внимания. Это к лучшему. Мне сейчас не до разговоров. Тем более совершенно не хотелось слушать про Корнеева, его шикарную машину и идиотскую встречу, когда соседка смогла перекинуться с ним парочкой фраз.

Достижение века.

А по мне, так бред полный.

– Тусь, смотри, какая лучше? – Вика пихает меня локтем и сует в нос свой телефон. – Вот здесь, правда, только половину лица моего видно, но зато свет отлично падает. А тут Даня в сторону смотрит, а меня почти не видно. Какую в инсту загрузить?

Я поднимаю на нее глаза, внимательно гляжу на экран, а потом молча, по инерции, протягиваю руку к своему старенькому смартфону и заношу номер Корнеева в черный список.

Фух.

Клянусь, мне дышать легче стало.

– Без понятия.

Откинулась на стуле и попыталась вспомнить, когда Звягина успела фотосессию на улице устроить. Хотя этому великому блогеру с тысячей подписчиков много времени не нужно, чтобы селфи сделать. «Себяшечку», как Вика это называет. И чему тут удивляться? Звягина вряд ли упустила бы момент сделать кадр со своим «любимым».

Эх.

Жизнь теперь прожита не зря.

Такое фото легендарное. Потомки будут гордиться бабкой, а эти снимки на аукционах выставлять.

– Тогда обе выложу. Хештег: лучшее утро. Хештег: вместо тысячи слов. Хештег: счастлива.

– Хештег: подарите мне мозг. Вик, ну, стремно же. Ты не понимаешь, что это все позорно как-то?

– Позорно занудой быть. И на учебу с этой сумкой ходить, в которую два арбуза влезут. Вот это стремно. А обновить Инсту, чтобы собрать кучу лайков, – это нормально.

Тяжело вздохнув, я прикрыла глаза. Картина называется «Вот и поговорили». Пожала плечами и отвернулась от Звягиной. Хочет бегать за кем-то – пускай! Может, ей нравится чувство унижения, а тут я со своим самоваром в ее Тулу лезу.

Промолчала, а когда звонок прозвенел, первая из аудитории вышла и не стала Вику ждать. Надо будет, сама догонит.

Я в очереди за пирожком стояла, когда соседка начала расталкивать в разные стороны голодных студентов, чтобы оказаться рядом со мной.

– Чего не подождала?

Молчу. В уме прикидываю, сколько у меня останется денег, если я булку с маком куплю. Слишком мало, чтобы дня три жить и не быть голодной. Это еще хорошо, что я сумки с провизией из дома привожу. Мама и картошку положит, и закрутку разную, и пельмешки, которые сама с любовью лепит. Звягина смеется постоянно, когда я Шварценеггера изображаю, поднимая в квартиру две хозяйственные сумки. Но как по-другому? Разве мама из дома выпустит ребенка, заранее не убедившись, что он будет сыт? Никогда. Она еще умудряется незаметно термос со щами запихнуть. Я ей каждый раз говорю, что сама могу приготовить, но она и слышать ничего не желает.

Вика поначалу смеется, но потом не отходит от холодильника, со скоростью света открывая очередную банку с вкусным вареньем.

– Тусь, обиделась, что ли? Да ладно тебе, из-за сумки обижаться. Вот обещаю, у родителей денег возьму и рюкзак тебе крутой куплю. Будешь самой модной ходить. И мне иногда одолживать.

– Не нужен мне рюкзак твой. И нормальная у меня сумка, поняла? Нормальная.

– Ты ее на том же рынке брала, где и ту ужасную пижаму?

– Ага. Скоро опять туда поеду. Язык твой длинный продавать. Его какие-нибудь ученые приобретут, чтобы яд с него съезживать, а потом им крыс в подвалах травить.

Звягина, как обычно, мало обращает внимания на мои слова. Ей плевать. Главное, что она сказала то, что хотела. А все, что говорится в ответ, мимо себя пропускает, ограждая таким образом свою ауру от тяжелой энергетики.

Пока мой пирожок пробивали на кассе, Вика успела весь поднос заставить тарелками. И супчик вермишелевый, и пюре с котлетой, даже три пончика прихватила, хотя обычно только один себе позволяет.

– Не ворчи. Ты, кстати, чего с пирожком одним? Худеешь, что ли? Тогда открою тебе секрет: овощи трескать надо или творог, а на мучном и грамма не скинешь.

Беру свой скромный обед, и мы идем к свободному столику, расположенному, как назло, возле входной двери. Терпеть не могу там сидеть. Каждый, кто заходит в столовую, сразу же бросает на него взгляд. Ты сидишь, ешь, а тебе весь институт в рот смотрит.

Ужас.

– Диета называется «Несколько дней без денег». Говорят, эффективная. За три дня минус пять килограммов.

Я не собиралась жаловаться Звягиной, что все деньги на поездку за неё потратила. Но и молчать об этом тоже не думала. Нам завтра за свет идти платить, пусть она знает, что ей одной придется скидываться.

– Так, Шведова, ты чего не сказала, что ты на мели? Держи котлету. – Соседка пододвигает ко мне тарелку с пюре и протягивает кусок хлеба. – Давай-давай. Мы подруги, в конце концов. Я тебе помогаю, ты мне. А так как последнее бывает в разы чаще, то это мой вклад в будущее.

– Не хочу я твою котлету. Мне и пирожка с картошкой хватит.

Я не настолько жалкая, чтобы за фарш, жаренный на масле, родину продавать.

– Ну, как хочешь. Я предлагала.

Я всегда считала себя доброй. Если видела голодного котенка на улице, шла в магазин и покупала пакетик с кормом. Когда замечала, что кто-то помощи просит, могла последнее отдать, и не было ни капли жалко. Только вот сейчас я себя почувствовала не доброй, а глупой. Использованной немногого. Но...

– Привет, девчонки.

На соседний от меня стул с грохотом сел Суханов, расплескав сок Звягиной по ее подносу.

– Назар, чего тебе?

Как Вика сходит с ума по Корнееву, с такой же силой она ненавидит его лучшего друга. Была бы ее воля, она его отправила бы в глухую деревню, коровам копыта намывать.

Суханов показывает ей язык и смотрит на меня.

– Как дела у нашей супергерл?

Чего?

Он точно не наркоман?

Иногда так странно ведет себя.

Может проходить мимо толпы первокурсниц и на руки подхватить одну. Кружить, пока она визжать не начнет. А потом также резко отпустить и уйти, будто ничего и не делал.

Говорю же, подозрительный тип.

Но девчонкам и он нравится. Конечно, не так, как Корнеев, но все же.

– У кого? – Вика чуть супчиком не подавилась. Да я и сама черствый пирожок жевать перестала, кусок комом в горле встал. – Суханов, пить надо вечером, а не днем.

– Это твое личное кредо? – в своей манере отвечает ей парень и отбирает у нее сок, делая несколько больших глотков.

– Нет, это мой вклад в заботу о братьях наших меньших.

Мало у кого получится смутить Звягину. Ей на всех плевать.

Назар кидает на стол свой черный кожаный рюкзак и достает из него огромную плитку шоколада.

– Держи, супергерл. Брось пирожок, им убить кого-нибудь можно.

– Зачем? Не нужно.

– Давай-давай. Все дети сладкое любят.

Еще один человек, который никого не слушает, а гнет свое. Но шоколадку беру. Она молочная. С фундуком. Моя любимая.

– Звягина! – резко окликает меня Суханов. Вика, не волнуйся из-за посторонних за столом, продолжает есть. – Ты чего удумала? Пончик сожрать?

– Делиться не буду. Не надейся.

– Делиться? У меня мамка диетологом работает. Знаешь, какие жопы к ней потом приходят после этих пончиков? Еле в дверь влезают. Хотя ты кушай, кушай. Уже поздно останавливаться.

Мне показалось, что я услышала тишину.

Все так резко замерло.

Я еле сдерживалась, чтобы не засмеяться от его слов. Посмотрев на лицо соседки, я поняла, что она сейчас кое-кого убьет. У нее не щеки от злости покраснели, а глаза. Черт, да она в бешенстве, а я тут смеюсь.

– Ты придурак, Суханов! – От ее визга я даже растерялась. – Если бы не Даня, да с тобой бы никто не общался, шпала ты длинная.

Суханов, улыбнувшись, словно добился желаемого, встает со стула и поправляет футбольку.

– Да? Ну ладно. Сейчас поеду к Корнею на фотосет и поблагодарю за дружбу. Может, даже поплачуясь и попрошу никогда не бросать меня. – Потом мне подмигивает. – Так, выбрось пирожок. Язву от него заработаешь, и с ней шоколадкой не делись, сладкое только красоткам можно.

Ему в спину полетела ложка, а Звягина тяжело задышала.

– Тусь, скажи преподу, что я заболела.

Вика резко засобиралась, с силой бросая на поднос почти пустые тарелки.

– Ты куда собралась? Суханову мстить пошла?

– Не слышала, что этот клоун сказал? Даня сейчас кого-то снимать будет. У его отца фотостудия в ТЦ «Парус». Я туда поеду.

– Вик, не глупи. Я тебе говорила про жалкий вид, – пытаюсь я вразумить соседку, разворачивая обертку.

– Шведова, не будь дурой. Только представь, какие кадры получатся, если я уговорю Даню поснимать меня. Он лучший в этом деле. Бог зеркалки. Короче, не будь брюзжащей бабкой, а прикрой меня.

Послав напоследок воздушный поцелуй, она скрывается за дверью, как обычно, оставляя за собой гору грязной посуды. Которую мне, между прочим, собрать и отнести нужно будет.

Ну, Звягина.

Как так можно?

Решаю, что сидеть одной глупо, да и смысла нет, пара начнется минут через десять. Встаю со стула, засовывая шоколадку в сумку. Я ее потом съем. Дома с чаем на травках.

– А я думал, ты меня сладким угостишь.

Удивленно поднимаю голову и вижу перед собой Корнеева.

– Это моя любимая. С фундуком. Кстати, тебе разве не говорили, что грешно людей в черный список заносить?

Что он, вообще, здесь делает?

7

– Твоя поклонница только что убежала. Если поторопишься, то успеешь догнать и автограф на декольте оставить. Парни, как ты, ведь так делают?

Замолчи, Туся.

Закрой рот, а лучше откуси язык, сделай все, чтобы перестать нарываться и молоть полную чушь.

В конце концов, веди себя как девушка, а не как овчарка, с которой намордник только что сняли и на волю выпустили.

Но Корнеев молчал. Он посмотрел на меня каким-то пронизывающим взглядом, а потом сел на стул, вытянув ноги.

– Не знаю. Но если ты хорошо попросишь, то я распишусь у тебя на...

– Не попрошу. – Корнеев и чертовы его грязные мыслишки. – Хотя нет. Просьба все-таки есть. Будь добр, перестань мне написывать. Раздражает.

– Ты этого действительно хочешь?

– Хочу.

– Вон оно как... Кстати, почему единственный сайт, где я смог тебя найти, «Одноклассники»? На детское фото, где ты в костюме мыльного пузыря, я лайк поставил.

– В костюме колобка.

Да я бы давно удалилась, просто там с бабулей общаясь. Она у меня интернет освоила недавно и плотно засела на «Одноклассниках». А фотки там такие, потому что она на них смотрит, и они ей нравятся. У меня там даже в друзьях никого из института нет. Несколько одноклассников, пара школьных учителей и папина мама. Все. Если бы знала, что меня искать будет один пустоголовый мажор, то давно бы профиль закрыла и убрала бы с аватарки фотку, где я с бантом на последнем звонке.

А вообще, с чего он взял, что мне его лайк там нужен?

– Да какая разница?

– Огромная, если ты не можешь отличить колобка от мыльного пузыря.

– Ты всегда такая колючая, а, Натали?

– Только когда меня кто-то достает.

Вру и не краснею. Я редко колючкой бываю. Но, как оказалось, рядом с Корнеевым это плохое качество просыпается и наружу лезет. Если бы мама меня сейчас услышала, то гнала бы по улице мокрым полотенцем. И я тут только немного преувеличила. Она золото, но не любит хамство и грубость. А сейчас я себя именно так и веду.

Стоп.

Но Корнеев ведь выводит. Это разве не уважительная причина?

В общем, если бы мама услышала нас сейчас, то мажорик с дорогими часами на руке и модной укладкой на голове вместе со мной бежал бы от полотенца. Не забывайте, что у нее муж военный. Она любую роту на уши поставит и заставит лепить вареники.

– Данечка, тебе чаек принести? – Я вздрогнула, когда услышала милый голос нашей поварихи. Серьезно, никогда не слышала, чтобы она так разговаривала. Думала, что она орать только умеет. А тут...

Блин, не Корнеев, а прям чудо-юдо.

– Теть Галь, если можно, то два стаканчика. У меня тут важный разговор.

– Хорошо, сынок.

Теть Галь? Правда? Да у нее кличка Цербер. Она за грязный пол готова убить, а за разбитую тарелку подвергнуть общественной казни. Прилюдно словами бичевать начнет: поставит

в центре столовой и всем расскажет, какой ты криворукий. И поварихе плевать, кабачковую или осетровую икру ты ешь на завтрак. Богатый ты или бедный. Она всех разгонит.

А-а-а. Совсем забыла. Сынок?

Ущипните меня кто-нибудь, пожалуйста.

Может, я как-то не заметила и попала в другой мир? Мир, где добрые стали злыми, а монстры превратились в ангелов. Как объяснить то, что я стою рядом с Корнеевым, который улыбается, и с Цербером, которая кудахчет над нами?

Черт.

Если сейчас из-за угла выскочит Звягина с воздушными шарами в руках и начнет прыгать на скакалке, напевая считалочку себе под нос, то мне придется придумывать себе псевдоним для психушки. Надо же будет как-то называть себя в драке с Иисусом и Сталиным.

Туся, делай ноги.

– Ты куда? – Корнеев останавливает меня взглядом, когда я беру сумку с соседнего стула.

– Меня там гранит ждет, который я еще погрызть не успела.

– Вот пока чай не допьете, никуда не пущу. – Тетя Галя, а именно так ее называть хочется, ведь на Цербера она сейчас совершенно не похожа, оказывается возле меня, переставляя с подноса на стол чайник и две кружки.

Хорошие. Студенты из таких не пьют. Нам старенькие дают, со сколами.

Я себя важной персоной почувствовала, ей-богу.

– Смотри, какая худая. Кожа да кости. Деточка, ты завязывай с диетами. Этот паршивец только говорит, что скелетных любит. Знаешь, как он в детстве за Лидочкой из второго подъезда гонялся? У-ух. А она была размером с маленький танк.

– Да я не...

– Тетя Галь, хватит. Сейчас Лидочка на обложках журналов красуется.

Я хотела опровергнуть предположение, но этот гад перебил своей Лидочкой-танком. Или уже не совсем танком.

Пофиг.

Откуда вообще эта женщина Корнеева с детства знает?

Хотя нет, он и его отношения с поваром мне безразличны.

– Да, видела. Она стыд совсем потеряла. Голая на лавочках лежит. Ой. Я сейчас пирожков вам принесу.

– Не надо, – молниеносно отказываюсь я. Знаю я эти пирожочки. Один до сих пор в глотке стоит, проглотить не могу. – Я уже ухожу. Не беспокойтесь.

– Да я вкусных принесу, свеженьких. Для ректора пекла, но с вами поделюсь. Не боись, понравятся.

– Неси, неси, тетя Галь. Сто лет пирожков твоих не ел. – И снова парень улыбается, как Чеширский Кот.

– Жук ты, Данечка. Жук.

Она испаряется, а мы одни опять остаемся.

– Если ты сейчас уйдешь, то женщина расстроится. А в ее возрасте волноваться запрещено. Хорошая девочка ведь понимает это?

– Хорошая девочка все объясnit так, что никто не расстроится. И, Корнеев, вот ответь, что тебе от меня надо? Чего пристал?

Сажусь на стул, не стоять же, ожидая, пока повар вернется.

– Хочу понять, чем ты отличаешься от других.

Гнусный ответ, но зато честный.

– По рентгену – ничем. А вот по содержанию черепной коробки – всем.

– Ответ принимается. Ладно, если ты шоколадкой делиться не хочешь, то, пока будем ждать пирожки тети Гали, съедим мою.

Я даже не успела понять, как на столе появилась точно такая же упаковка с молочным шоколадом, как и у меня в сумке.

Он что, вытащить умудрился?

Провожу рукой по кожзаму и чувствую, что моя-то на месте.

Эй.

Значит, она от него?

Он с Сухановым передал? Зачем?

Один вопрос: а летающие пони в этом странном мире будут?

8

– Да не собираюсь я с тобой здесь сидеть и тем более не собираюсь шоколадками твоими зубы портить. Не хочешь объяснить, зачем привязался ко мне, как ненормальный, не надо. Мне все равно, что там у тебя на уме. Главное, пусть меня это больше не касается. Понял?

С грохотом кидаю сумку на стол и молнию расстегиваю, чтобы от вражеского подношения поскорее избавиться. Я предчувствую, что у меня именно на эту шоколадку аллергия вылезет. Ссыпью на всех известных местах.

Как назло, молнию заело.

Почему закон подлости сработал прямо в этот момент? Куда подевался бумеранг везения? Я ведь собиралась театрально выйти из столовой, чтобы прям нос до потолка доставал и волосы при ходьбе красиво развевались. В кино такое было. Правда, героиня сначала пощечину негодяю влепила и потом ушла. А у меня вместо рукоприкладства должен был быть красивый жест в виде молчания. Оставила бы подачку на столе, мол, не голодая, себе заберите, и ушла бы.

– Помочь?

Да он даже не скрывает усмешки в голосе.

Хоть Корнеев и смеется, но меня с детства учили быть благодарной. Поэтому мысленно я замечаю, чтобы себе помог, а вслух произношу:

– Не нужно.

Не сразу понимаю, когда остаюсь с пустыми руками, а рядом уже стоит Корнеев. Он с легкостью расстегивает молнию и кидает в сумку еще одну молочную плитку.

– Верни на место.

Теперь у меня принцип. Какого черта он игнорирует все, что я говорю? Я забираю сумку и, не оглядываясь, устремляюсь к двери.

– Деточка, а ты куда? Я вам пирожков принесла.

Цербер, то есть повар тетя Галя, материализуется возле меня с тарелкой, полной безумно вкусно пахнущей выпечки. Желудок не готов к таким издевательствам, поэтому он начинает громко возмущаться.

Не мой. Сегодня точно не мой день.

Готова поверить, что Звягина мне приносит удачу. Когда она рядом, такие казусы в моей жизни не случаются. Кажется, она их всех на себя берет, а я чистенькой остаюсь.

Но эту теорию я заберу с собой в могилу.

– Тетя Галь, мы их с собой возьмем. – Корнеев берет с тарелки два пирожка и один сразу же откусывает. – Идти надо. У Натальи пары уже началась, не хочу ее задерживать.

– Ой, кавалер какой вырос. Точно не в отца своего непутевого пошел. Ладно, идите уже. А то преподаватели ругаться начнут.

Отлично. Мне официально разрешили уйти.

– Какая аудитория?

– Чего?

– Слышала, что тетя Галя сказала про кавалера? Если ты не поняла, то это она про меня говорила. Поэтому, если дорогу покажешь, проведу по маршруту без пробок.

Вот же гид недоделанный.

Он что, собрался меня в аудиторию сопровождать?

Э-э-э.

– Корнеев...

– Даня... – моментально поправляет меня он.

Наивный, думает, что я послушаюсь?

– Даниил! Не хочу показаться грубой, но ты надоел. Тебя стало слишком много. Если ты думаешь, что...

– Нет, я не собираюсь общаться с тобой, чтобы твоя шизанутая подруга это увидела и от меня отстала. Ты так подумала?

Нет.

Кстати, а почему я так не подумала?

– Я подумала, что твоя самооценка величиной с Китайскую стену немножко пошла ходуном, после того как я не распласталась на асфальте возле твоих ног. И ты понял, что не перенесешь такого удара, поэтому и решил добить меня своим присутствием. Надеешься, что если я буду тебя чаще видеть и слышать, то постепенно превращусь в безмозглую курицу, квохчущую только твое имя? Даниил, как вы примитивны.

– По твоей фантазии сериалы снимать нужно.

– Думаешь, что самый умный? – Черт, как же раздражает, что он все мои слова мимо ушей пропускает. Еще одно подтверждение тому, что он для Звягиной идеальная пара. Плюс, он меня неимоверно бесит, а если он сойдется с Викой, то я буду рада. Серьезно, я знаю свою соседку очень хорошо. И заранее представляю, что его ждет. У-ха-ха.

– Нет. Наоборот. Сейчас самой умной я считаю тебя. – Мы уже подходили к нужному кабинету, когда Корнеев приостановился. – В чем проблема, если я просто хочу тебя узнать?

– Ты? Расскажи эту сказку кому-нибудь другому. Я не такая идиотка, чтобы в это поверить.

Какая-то долгая неловкая пауза.

Чего я, в самом деле, на человека наехала? Ну, говорит он про какое-то общение, да и пустяк. Я могу послушать и забыть или на его слова внимания не обращать. Почему я спорю, как пигалица малолетняя?

И это дочь военного?

Стыдно, Туся. Стыдно.

– Например, твоей подруге?

– Ага. Звягиной эта сказка понравится. Да она с ума от нее сойдет, запишет и будет по ночам перечитывать.

Кстати, про Вику.

Я надеюсь, меня никто рядом с Корнеевым не видел, а то представить страшно, какой допрос соседка устроит за нахождение рядом с ее мечтой. Надо дома на всякий случай спрятать зеленку под кровать. А то крышу кое у кого иногда на километр уносит.

– По-моему, она и так уже чокнутая.

– Все мы не идеальны. Но ты бы присмотрелся. Я все-таки считаю, что вы с ней подходите друг другу.

Меня убили.

Взглядом расчленили на части, собрали кусочки и по лесу их раскидали.

– Уж лучше сразу с камнем под воду. Значит, я тебе не нравлюсь?

– Нет, Корнеев. Ты мне не нравишься. И мне не нравится твое внимание. Свыкнись с этим и забудь. Или для того, чтобы ты отстал, мне нужно извиниться, соврать, что я влюблена в тебя, и предложить руку и сердце?

– Нет. Обойдусь, но... – Секундная пауза, за которую Корнеев успевает осмотреть меня с ног до головы. – Еще увидимся, Натали.

Он уходит, а я так и продолжаю стоять с открытым ртом.

Конечно, мы увидимся. В одном институте учимся. А бегать я ни от кого не собираюсь.

Или...

А что он имел в виду-то?

Ладно, плевать. Чтобы понять Корнеева, нужно стать им, а у меня так не получится.

На пару, конечно, я опоздала. И, как назло, ее вел Степка. Он считает всех женщин ничего не умеющими курицами, которые должны на кухне сидеть, сковородки драить. Если к нему опоздаешь, то больше часа будешь слушать про вакансии в «Макдональдсе».

Вот поэтому я и решила уйти домой.

Из-за одного прогула меня не отчислят, зато смогу морально отдохнуть, пока Вика на фотосессии.

Ой, что будет, когда она поймет, что Корнеева там нет.

Так, мне точно домой надо, чтобы все бьющиеся предметы попрятать. Она ж квартиру от злости разгромит.

Минут через десять я уже открывала дверь, и вдруг мой телефон ожила.

Скажу честно, первая мысль: «Он».

Но, слава богу, это была мама.

– Доченька, привет. Как ты?

– Все хорошо, мам. Домой только зашла.

Ой.

Зря я это сказала.

– Как? Почему домой? А занятия? Туся. Ту-у-у-ся-я-я.

Черт.

Уж лучше бы звонил Корнеев.

9

– Мам, да не прогуляла я. Вернее, прогуляла, но у меня уважительная причина.

– Интересно бы узнать причину эту самую, из-за которой моя дочь дома в учебное время сидит. Дело ведь не в парнях? Тусь, ты смотри, папу инфаркт накроет, если ты раньше времени того...

– Чего того?

Мне стало дурно от этого многозначительного «того».

– Замуж выскочишь. А вот о чём ты сама только что подумала, больше не думай. Рано еще. И парню передай, что сейчас в армии строго, а именно там он в случае чего окажется. Под надзором самого прaporщика Шведова. Предупреди, лишним не будет.

– Так, женщина, кто вы и что сделали с моей адекватной мамой? Какие парни? Нет у меня никого. Просто в столовой задержалась и на пару опоздала. А там препод – зверь. Уж лучше прогул, чем минутное опоздание. – Захожу в гостиную и по совместительству комнату Вики и не замечаю, как в динамика громко свищу губами.

– Туся! Оглушишь ведь. Когда-нибудь накажу отца, что свистеть тебя научил. Не дочь, а соловей. И никто со мной ничего не делал. Я просто переживаю. У тебя возраст сейчас такой, когда коленки сбиваются. А я хоть и понимаю, что всю жизнь опекать тебя не смогу, но по возможности попробую. И что у тебя там случилось?

– Вика. У меня, мамуль, случилась Вика.

Родители познакомились с моей соседкой спустя месяц после того, как мы с ней начали вместе жить. Я с утра, как обычно, на пары убежала, а Вика дома осталась, она как раз «отдыхала» после гулянки по случаю дня рождения Люды Степашкиной. Конечно же, меня о приезде никто не предупредил, так как хотели сделать сюрприз. Он прошел на ура.

Им дверь открыло лохматое чудище, это как мне потом Вика рассказала про свой внешний вид. Она начала доказывать, что служивых в квартире нет, а покупка пылесосов ее не интересует. При чем здесь бытовая техника, так никто и не понял, ведь папа был в форме, но соседка попыталась закрыть дверь у них перед носом.

Это уже потом папа своим командирским голосом рявкнул. Вика услышала фамилию, впустила и почти сразу же пожалела об этом.

Родные как увидели погром в гостиной, так и сползли по стенке. А уж пустую бутылку коньяка под диваном отец вспоминает до сих пор. Говорит, что если захочет выпить, то знает, где найти собутыльника. В общем, мои родители быстренько заставили Звягину окончательнопротрезветь и приняться за уборку. Потом Вика еще клятвенно убеждала их, что она хорошая, просто жизнь иногда поганая.

Мои не поверили, но лезть ко мне не стали.

– Тусь, может, уже съедешь от нее? Не понимаю я твоего желания там жить.

Я прошлась по комнате, но даже и не думала собирать с пола Викины разбросанные в разные стороны вещи. Утром из квартиры мы выходили вместе, и такого не было, значит, Звягина прибегала навстречу к своему комоду.

Ужас.

Она еще и марафетилась.

Наверное, надела свое самое дорогощее платье, в котором сложно дышать. Однако красота, как она говорит, требует жертв.

Из-за этого Корнеева мне весь вечер и всю ночь придется терпеть ее истеричный ор.

Она ведь с ним так и не встретилась.

– Что, мам?

– Она меня еще и не слушает, – возмущается родительница. – Говорю тебе, съезжай.

– Мам, ну мы сколько раз с вами уже это обсуждали? Мне нравится наша с Викой квартира. В двух шагах от института, да и у меня комната своя.

– Тетя Таня…

– Тетя Таня живет на окраине, у нее четыре кошки и однокомнатная квартира. Отбирать спальное место у хвостатых – плохая идея. Они мне потом по ночам в кроссовки мстить будут. Пока меня и здесь все устраивает. – Почти все, но маме об этом знать необязательно. – А ты чего звонишь-то?

Мы в такое время дня обычно не созваниваемся. Я на учебе, а она в делах домашних.

– Дожили, матери позвонить уже нельзя. Да это ты меня своими кавалерами с мысли сбила. Сейчас, подожди, вспомню. – Секундная пауза, и я слышу, как мама чем-то по столу стучит. – А. Дядя Валера послезавтра в город едет. Я с ним сумку тебе передам. Сметанки домашней положить? Папа на выходных из деревни привез.

Да кто ж от такого в здравом уме откажется?

Растягиваю губы в улыбке и мысленно расцеловываю маму в обе щеки.

Соскучилась. Недели три назад виделись, но как представлю, что мама сейчас у нас в кухне сидит и со мной по телефону разговаривает, то прямо ком в горле.

Краем уха услышала, что входная дверь открылась. Звук кинутой на пол сумки и тяжелые шаги.

Ох.

Зло вернулось.

Вернее, злая Звягина, хотя это иногда одно и то же.

– Мамуль, давай я тебе чуть позже перезвоню. Тут э-э-э… дела.

– Подожди. Забыла совсем. Там бабушка волнуется, что ты ей в «Одноклассниках» не отвечаешь. Дочь, напиши. Знаешь же, что у нее давление скачет.

– Да-да, напишу, – уже на автомате говорю я и слышу, что мама положила трубку.

Вдох-выдох.

Крепись, Туся. Помни, ты всегда можешь съехать и не слушать чужих истерик. Тетя Таня, мамина двоюродная сестра, постелит тебе между лежаками своих кошечек.

– О, ты уже дома. А чего так рано? – Вика падает на диван и… улыбается. Улыбается? Надо срочно проветрить квартиру. – Отпустили пораньше?

Твердым шагом прохожусь по комнате и открываю окно.

Да что происходит?

Я помню, как-то Звягиной сказали, что Корнеев в клуб собирается, который на другом конце города. Виктория моментально скинула с себя банный халат, отмыла глиняную маску с лица, волосы в косу завязала, нанесла четыре слоя тонального крема и на самых высоких каблуках в два часа ночи отправилась искать такси.

Вернулась она часа через полтора, сломанный каблук в руке, тушь по щекам размазана, и с криком, что она не успела, девушка начала звонить кому-то и кричать в трубку, мол, могли бы и раньше предупредить.

Как сами понимаете, следующие несколько дней Вика срывалась на всех, кого только видела. Досталось даже дворнику, который случайно ей на ноги метлу уронил.

А сейчас она улыбается.

– Ты чего такая веселая?

Вроде не пьяная.

– Туська, это лучший день в моей жизни.

– В смысле?

– В коромысле, Шведова.

Вика мечтательно закатывает глаза и встает с дивана, направляясь на кухню. Иду за ней, любопытство – все-таки порок, кто бы что ни говорил.

– Знаешь, мне кажется, что я еще больше в него влюбилась.

– В кого?

– В Суханова, блин. Шведова, не тупи, конечно, в Данечку.

Мои брови взлетают вверх, а мозг ничего не может сообразить.

– Так ты его нашла?

Сажусь за стол и зачем-то начинаю проверять телефон.

– Конечно. А ты мне не верила, что я смогу его добиться.

– Да я не то чтобы не верила...

– Я помню все твои взгляды и подколы. А у меня раз, и начинает получаться. Я непонимающее смотрю на нее. Вроде не врет – глаза не бегают.

Вика засмеялась и в своей манере начала стягивать с себя платье. Прямо на кухне.

– Да что у тебя получилось?

А главное, как?

Вика убежала. Корнеев остался со мной. Но потом он ушел. И...

– Хотя бы то, что мы наконец-таки смогли вдвоем побывать. Поговорить.

– Поговорили?

Да я представляю, как они там разговаривали.

Вот бабник.

Не зря я его послала. Права мама, что нужно всегда слушать свой внутренний голос. А он меня как раз и убеждал, что надо быть осторожнее.

– Вот пристала. Поговорили. Правда, недолго, ему потом кто-то позвонил, и он уехал.

Но...

– Что?

– Тусь, я теперь его еще больше хочу.

10

Утро меня встречало ароматом чего-то вкусного. Даже показалось, что я еще сплю или вообще ночью телепортировалась домой, где заботливая мама уже вовсю готовит мой любимый завтрак.

Но нет.

На кухне суетилась Звягина, ловко перекладывая жареные сырники на тарелку. Вика напевала себе под нос какую-то песенку, покачивая в такт бедрами, словно она не на кухне, а на танцполе, и уже успела собрать свою аудиторию.

Я хотела было открыть рот от увиденного, но соседка заметила меня, и шоу закончилось.

– Тусь, садись за стол. Кормить тебя буду.

Пододвинула ко мне кружку с чаем и банку малинового варенья.

– Ну, чего стоишь как вкопанная? Садись, давай, остынут ведь.

– Ты готовить умеешь?

Я и не пыталась скрыть удивления. Меня, между прочим, за нос водили, рассказывая, что однажды из-за обычной яичницы Вика чуть квартиру не спалила. Я жильем рисковать не хотела, да и готовить любила, поэтому-то одна и стояла за плитой. А тут новости такие. Сенсация.

– Шведова, вот не порть момент. В кои-то веки решила подругу побаловать, а она нос воротит. Не хочешь, так и скажи.

Вот блин, похоже, реально пробовать придется.

– Я чуть-чуть. Вчера в зеркало на себя посмотрела, бока лишние увидела.

– Наконец-то. Давно тебе говорю, что пару килограммов сбросить нужно. Но сейчас можешь есть спокойно, творог обезжиренный, и у нас сахар закончился, поэтому без него.

Я медленно подошла к столу и, сев на свое место, переложила в тарелку самый маленький кругляшок. На вид – обычные сырники. Румяные. Аппетитные.

Чего я сомневаться-то вздумала?

– А сама?

– Ой, да господи. – Звягина откусывает сырник и запивает моим чаем. – Вот. Счастлива? Если я отравиться не боюсь, значит, съедобно. И, кстати, очень вкусно.

Мне определенно стало легче.

Да просто зеленка вспомнилась. А вдруг ей доложили, что я с Корнеевым общалась, а ей так и не рассказала.

Что за мысли?

Получается, я Вику пааноиком называю, а сама не лучше.

Повторяю за ней и одобрительно головой качаю, мол, соседка, ты великий кондитер, а я – идиотка неблагодарная.

Вика оставляет меня на кухне посуду думывать, но потом возвращается, разговаривая с кем-то телефону.

– Конечно, Лариса Игоревна. Ждем Вас. До свидания.

Лариса Игоревна – это хозяйка квартиры, которую мы снимаем.

– Ты еще не думала? Тусь, как-то поживее надо быть.

– Мне вилки осталось только. Чего хозяйка хотела? Мы ж недавно за месяц заплатили.

– Она в этом районе завтра будет, решила хоромы проверить. Переживает, наверное, что мы квартиру в свинарник превратим. Была бы еще жилплощадь нормальная. А тут так. Стены да пол скрипучий.

– Блин, она когда в твою комнату зайдет, мы моментально на улице окажемся. Там же ногу поставить негде. Все вещи валяются.

— Только не начинай. Придем с учебы, уборку замутим. Еще посмотрим, кому медаль дадут за идеальную чистоту.

Однако про уборку Звягина, кажется, забыла. Перед началом первой пары она со Степашкиной по телефону разговаривала и клятвенно обещала, что заскочит к ней, когда освободится.

— Да все нормально будет. — Соседка стучит ручкой по ноге, закатывая глаза. — Я что-нибудь придумаю. Люд, только тебя тут не хватало. Сиди на месте и жди.

Людка еще что-то говорила, когда Вика сбрасывала вызов.

— Вот ведь зануда. Шведова, я всегда тебя считала лидером нудных, но Людка забирает корону.

— Что у нее?

— Да фигня, как обычно. Не забивай голову.

Пожимаю плечами и в телефон утыкаюсь. В нашем институте интернет беспроводной. Он с паролем, но Вика где-то стащила заветные цифры с буквами. Поэтому я без проблем открываю «Одноклассники» и тут же лезу на страничку к бабуле, ставя на все ее новые картинки лайки.

Не сразу, но я обращаю внимание на оповещение и еще одно сообщение от пользователя Даниил Корнеев.

Вика вскакивает с места и тащит меня в аудиторию. Я, похоже, звонка не услышала, пока с разинутым ртом на телефон смотрела.

— Вик, а что у тебя там с Корнеевым?

Я еще не открывала весь текст — вижу только начало предложения.

— А что с ним?

— Ты так вчера и не рассказала, где вы были и что делали. На тебя это не похоже.

— «Счастье любит тишину», слышала о таком?

Слышала. Но это в корне не сходится с Викой и ее длинным языком.

— Может быть.

— Я сглазить боюсь. Поэтому провожу границу личного и общественного. Не обижайся. Просто знай, что своего я почти добилась. Еще чуть-чуть, и съеду от тебя в центр, в шикарную квартиру, и каждое утро буду просыпаться не от звука твоего противного будильника, а от нежных поцелуев моего Данечки.

Я не ослышалась? Это что же такого произошло, что Вика уже про переезд думает? А главное, когда они пообщаться-то успели?

— Заранее только предупреди, чтобы я соседку новую нашла.

— Я еще не уехала, а ты уже мое место кому-то сдавать собралась. Подруга, называется.

Она отворачивается и делает вид, что слушает преподавателя.

— Вик, да я просто сказала. Давай без сцен.

— Вот сама и убирайся теперь в своей квартире. Или соседку будущую пригласи. А я к Степашкиной пойду. Там мне хотя бы рады.

Отлично. Она нашла повод соскочить с мытья полов и окон. Зашибись. Будто это я из ее комнаты помойку сделала. Да я и пальцем там ничего не трону. Вздумала еще на меня все свалить. От раздражения открываю входящее сообщение, которое хотела удалить, так и не прочитав. А там их несколько. Начиная, что я в «Одноклассниках», как старушка, сижу, заканчивая: «Свидание. Сегодня. Без пирожков тети Гали». И отправил он мне его десять минут назад. Сама не понимаю, зачем отвечать вздумала. Но пишу короткое: «Нет» и вижу, как появляется зеленый кружочек над его аватаркой. Моментально вспыхивает значок о наборе текста.

Оперативный какой. Словно действительно держал телефон в руках в ожидании ответа.

«Не проблема. Будут тебе пирожки».

Блин. В нем хоть капля человечности есть? Знает, что Вика мне расскажет про их общение, и все равно продолжает?

Ничего не буду отвечать.

Мы молча идем с Викой в столовую. Она только косится, но ничего не говорит. Я стараюсь соответствовать этой хитрой принцессе, которая скандал придумает, чтобы руки лишний раз в грязи своей же не пачкать.

Подхожу к стойке и только чай себе покупаю, проходя на то же самое свободное место, где еще вчера сидела сначала со Звягиной, а потом с Корнеевым. Вика располагается напротив и демонстративно кашляет.

– Шведова, нечего на меня обижаться. Сама виновата. Я с тобой, как с подругой, планами своими делиюсь, а ты уже про соседку новую думаешь.

Внимательно смотрю на нее, но, перед тем как ответить, слышу голос нашего Цербера:

– Я ее тут с булками свежими жду, а она чай пустой гоняет.

Только не сейчас. Пожалуйста, теть Галь, только не сейчас.

– Наталь, чего не подходишь? Стесняешься, что ли? Ты мне это брось.

Я поднимаю голову, смотрю на Звягину, возле лица которой вилка с сосиской замерла. Со стороны вижу, что ее «бортовой компьютер» выдает ошибку и никак не может перезагрузиться.

– Здравствуйте. – Я ведь даже ее отчества не знаю.

– И привет. Господи, кожа да кости. Я ж тебе говорила, что худых он…

– Я утром плотно завтракала.

Меня с детства учили, что взрослых перебивать нельзя. Но тут жизненная необходимость. Нельзя, чтобы Звягина услышала про вчерашние слова тети Гали. Соседке, вообще, знать ничего не надо. Тем более когда, по ее утверждению, она наконец-таки у своей заветной цели.

– Позавтракала она. Знаю я, как девки современные завтракают. Небось водички попила, да и все. Сейчас, подожди, принесу вам кое-что.

Женщина отходит, и в эту секунду мой телефон вибрирует.

«Место встречи изменить нельзя, Натали».

– Даня пришел, – выдыхает Звягина.

11

Чертов Корнеев.

Блин, нужно делать ноги. И чем быстрее, тем лучше. Я не за реакцию Звягиной переживаю, которая сосиску никак прожевать не может, а за свой длинный язык волнуюсь. Он у меня тот еще предатель, когда на горизонте появляется этот автор эсэмэсок.

Поэтому лучше уйти тихо и красиво. Не зацепить по пути все стулья, не перевернуть какой-нибудь столик с едой и не грохнуться на ровном месте. Пройтись по столовой так, будто на мне плащ-невидимка, а на ногах не балетки, а домашние тапочки с собачками.

Так, если я встану и обойду за колонной справа от Вики, то не попаду на глаза тети Гали, которая сто процентов сейчас выйдет из продовольственного бункера со сдобы. Корнеев меня прилюдно задерживать не станет. Не по статусу ему за кем-то бегать. А Вике вообще плевать, рядом я или нет, когда ее кумир за соседний столик приземлился.

Делов-то.

Встать и уйти.

Я быстрая и тихая лань.

– Тусь, у меня кетчупа на губах нет? Внимательно посмотри, но так, чтобы никто не догадался.

– Да мне идти... – Убегать мне нужно, Звягина. Валить так, чтобы ты только и видела, как мои пятки сверкают, а не сидеть здесь и губы рассматривать, которые ты облизываешь без конца.

– Тебе посмотреть, что ли, сложно? – не унимается она. Она ж на меня пару минут назад обижалась. Я даже привыкнуть к этому молчанию не успела, как Вика снова разговаривает.

Еще и глядит укоризненно. Так, будто от ответа судьба всего человечества зависит.

– Нет у тебя там ничего. – Знаю ведь, что она не отстанет. Так и будет бухтеть, пока не получит желаемое. А у меня времени нет, чтобы Звягинскую прихоть удовлетворять.

Меня, между прочим, сообщениями забрасывают. У телефона из-за постоянной вибрации скоро батарейка сядет. Он у меня, вообще, не привык к таким активностям. Для него норма два-три входящих звонка в день и парочка писем. А тут атака лишних килобайтов.

– Сделай вид, что это твой поднос, чтобы Даня не думал, что я жру, как свинья, – шепотом говорит Звягина и пододвигает в мою сторону почти пустые тарелки.

Это скрывать нужно?

Серьезно? Почему меня никто не предупредил, что если появится парень, то придется прятаться от него с колбасой в руке? Ужас.

– Сделала. Теперь поднос мой, но относить его будешь ты, а я сваливаю.

– Куда ты?

– Я... да какая разница? Ухожу, и все.

Головой покачала, мол, отчитываться я еще буду, что ли?

Хватаю сумку и встаю со стула. Фух. Да уже полдела сделано. А паники успела нагнать, ух, мама не горюй. Наверное, я даже покраснела от того бреда, который сама себе придумала. Не обращая внимания на вибрирующий телефон, задвигаю стул и слышу громкий, протяжный крик Корнеева, черт его за ногу:

– Стой на месте!

А я застыла. Буквально – нижние конечности онемели.

– Я тебе там сообщение отправил. Назар, глянь, пока не ушел.

Назар? Почему-то кажется, что это совершенно не Суханову в спину кричали. Да и зачем ему говорить что-то, если парень за водой ходил и тут же назад вернулся?

Не сдерживаюсь и оборачиваюсь, а он сидит, телефоном в руках играет и нагло улыбается.

Ну, гад же.

Честное слово, гад.

– Шведова, ты уходить собираешься. – Вздрагиваю от неожиданного голоса Виктории. А как тут не вздрогнуть, когда я в себя провалилась и думаю, что делать? Открывать сообщения или не открывать? – Тусь, встала так, что мне Даню загородила.

К черту.

Сейчас возьму, да и пошлю Корнеева в дальний лес. Всего-то. Да и плевать, что я девочка. Меня папа в детстве с собой в часть брал, я там таких слов нахваталась, что потом мама боялась со мной в магазин ходить.

«Уйдешь, я пойду за тобой».

Не листаю сообщения, которые мне до этого присыпал. Зачем? Последнего хватает.

Конечно, я игнорирую эту идиотскую угрозу.

И считаю, что поступаю правильно, пока сзади не слышу, как отодвигается стул.

«Пошли».

Не-е, до лами мне еще далеко. Я трусливый заяц, который испугался модно причесанного волка.

– Шведова, задолбала. Уходишь – уходи. Нет, так сядь и допивай свой чай, – бурчит Звягина, и пока я телом ее закрываю, она пальцами расчесывает волосы.

Она в танке?

Отлично.

Люблю Звягину за ее недальновидность и неумение строить логические цепочки.

– С тобой останусь. Не хочу бросать, когда наша дружба трещит по швам.

Такого бреда я в жизни не слышала, но как-то умудрилась вслух озвучить.

Теперь осталось разобраться с Корнеевым.

«Привет». А что? Меня мама учила, что нужно здороваться с людьми.

«О-о-о. Кто-то научился писать сообщения? Ради меня постаралась?» И смайлик, подмигивающий.

Пока мне Вика в ухо трещит, что собирается подойти к нему, я печатаю текст, периодически поддакивая ей.

«Я хочу попросить тебя об одолжении».

Чувствую, как Корнеев смотрит на меня. Отрываюсь от телефона, поворачиваюсь, поднимаю глаза. Смотрит.

«Все что угодно, Пижамка в цветочек».

Почти не злюсь на это дурацкое прозвище.

«Не называй меня так».

Как будто он будет меня слушать.

«Без проблем. Натали? Про мои печали ты уже в курсе».

Тут верю. Общение с Викой порой и у меня печаль вызывает.

«Нет».

Как объяснить человеку, что я вообще не хочу, чтобы он меня как-то называл?

«Детка? Малышка? Любимая?»

– Тусь, он даже не смотрит на меня. В телефон свой уставился.

Вика начинает психовать. Сначала голос становится писклявым. Потом она воет. А потом к нам домой прибегает Степашкина и, как настоящая подруга, отпаивает бедняжку особым, почти сорокоградусным эликсиром.

Вот зачем она мне сейчас жалуется, если может сама к нему подойти и поговорить?

– Так иди. Ты, вообще, к нему переезжать собралась. Забыла?

– Не завидуй. Сиди здесь, мне Суханова прибить надо. Шведова, я серьезно. Паси Даню, а если курицы какие подкатывать будут, запоминай их лица.

Вика резко встает и идет за Назаром, который уже выходит из столовой.
И тут я осталась одна.

По факту, конечно, толпа студентов рядом, но вот чувствую, что с Корнеевым мы сейчас одни в помещении.

– Так как мне тебя называть?

Стоит ли говорить, что я не заметила, как он подсел?

Поворачиваю голову. Сидит. Близко-близко. Да еще и руку положил рядом с моей. Вообще офигел, что ли?

– Корнеев, я ведь серьезно.

– Хорошо, детка.

А у него всегда на лице была такая дебильно-милая улыбка?

Он меня когда-нибудь слушать вообще начнет? Тут скоро Звягина после убийства вернется, а он рядом со мной сидит. Я как потом объяснять это буду?

– Так о чем ты хотела меня попросить?

– Чтобы ты отстал от меня, – говорю грубо, поджимая губы.

– Зачем? – спокойно спрашивает он и с кем-то здоровается.

– Если ты не заметил, то твоя Вика бывает немного безумной. И она мне голову откусит, если узнает, кто мне сообщения без конца присыпает.

Ну вот, я это сказала. Думала, что он ржать начнет, а он вроде удивился.

– Я сейчас ни черта не понял, – вместе со стулом разворачивается всем корпусом ко мне, вытягивая ноги.

Да все ты понял. Дурачка включать не надо.

– Просто отстань от меня. Это понять можешь?

– Вряд ли получится.

– Корнеев, ты издеваешься надо мной? Я без понятия, что между тобой и Викой происходит, но участвовать в этом не собираюсь.

– Значит, твоя сумасшедшая подруга не должна знать, что ты собираешься встретиться со мной?

Чего?

Мне не показалось?

Вот идиотка. Сама все ему вывалила, а он тупо информацией воспользовался. Да еще и перевернул ее так, как ему выгодно.

– Я не собираюсь с тобой встречаться.

На заднем фоне я уже слышала, как Вика кого-то проклинает. Идет. Черт.

– Собираешься. Иначе она прямо сейчас нас увидит.

– Нет.

Зачем? Вот зачем ему это?

Неужели просто произдеваться захотел?

Игрушку нашел?

Бред какой-то.

– Мне рассказывали, что у нее крыши нет. Даже я ее иногда боюсь. Ну, так что, попросить теть Галю нам чай сделать?

Я на месте подпрыгиваю.

– Тогда валю я.

Посмотрим, как ты меня остановишь. Не получится. Это я с алкашом в тот раз нервничала, а тут сразу вспомню, чему меня папа учил.

Тот лишь молча ухмыляется и уже через секунду встает рядом со мной, загораживая собой выход на свободу.

– Корнеев! Плевать. Двадцать минут. Нас ждет самая короткая встреча в мире.

— Ты умеешь держать слово? — Он будто знал, что я соглашусь, но решил не мучить раненого солдата, а сразу добить его.

— Умею.

— Отлично, детка. Я в тебе не сомневался. Сумасшедшей привет не передавай. Она там Назара, скорее всего, убила за его пустую наводку. Я другом, между прочим, пожертвовал, чтобы вчера избавиться от нее. А ты еще встретиться не хотела.

Ничего не понимаю, но переспрашивать точно не буду. Судя по звуку каблуков, Вика уже за углом.

Блин! Пустая наводка?

Не сразу, но до меня доходит. Я только что согласилась на свидание с Корнеевым.

12

Сначала я хотела догнать Корнеева. Потом была мысль написать ему и уже в сообщении высказать все, что думаю о его идиотских выходках. СМС ведь проще. Никто рядом не стоит. Никто не сможет взглядом из тебя колбасу ливерную сделать. Никто спорить не начнет. И вроде идеальный вариант, но я не успела.

Пока о своем думала, прикидывая варианты, как оттянуть свидание, ко мне подлетела растрепанная Звягина. Она жаловалась на несправедливость судьбы, которая хоть и женского рода, но ведет себя не солидарно. Другими словами, Вика ее стервой бессердечной обозвала и стала хныкать, что у нее так и не получилось подойти к «Данечке».

Меня передернуло от этого произношения.

Господи, ну какой он Данечка?

Он ведь не карапуз из рекламы детского питания, с голой попкой по полу ползающий. И на ботаника он не похож, который красный диплом получил, а его мама на всю аудиторию хвалится всем, что это ее сын.

Он твердолобый.

Наглый.

Хитрый.

И до чертиков самоуверенный идиот.

Корнеев. Только так, плюс еще грозная интонация для усиления эффекта.

И это с ним мне придется встретиться. Наедине. Вдвоем. И улизнуть не получится, я слово дала. А дочь прaporщика младшего офицерского состава слов на ветер не бросает.

– Ты чего красная такая? – пристально смотрит на меня Звягина.

– Сон свой вспомнила, как я голая в институт пришла, – попытавшись закрыть тему, ответила я.

Не говорить же ей, что только что сейчас произошло.

Прохожу мимо Вики и иду в сторону нужной аудитории.

– Нашла из-за чего краснеть. Рассказывай, с кем мой разговаривал и кто к нему лез?

– Не смотрела я на него. «Твоего».

– Я же тебя просила.

– Я тебя тоже о многом прошу, но результата не вижу.

Сажусь за свой ряд и опускаю голову на холодный стол. Сил нет никаких. Этот Корнеев, он вампир энергетический. За несколько минут умудрился высосать из меня всю энергию, а потом ушел довольный, как обезьяна, получившая спелый банан.

– Так, Шведова. – Вика садится рядом и пододвигает меня. – Если ты меня жалеешь и не хочешь рассказывать, то забей и выкладывай. Я врагов должна знать в лицо. Сама видишь, как на Даню все эти дуры вешаются. И не поверю, что он в столовой один сидел. Такого быть не может.

– Могла бы не бежать за Сухановым, а остаться и подработать охранником. Кстати, чем Назар тебя так разозлил, раз ты, каблуков не жалея, побежала его мутузить? Или что ты там с ним делала?

У меня этот вопрос на языке вертелся последние минут десять.

Вот я раньше не была такой. Звягина жила спокойно, творила что-то, я могла послушать ее исповеди, но вопросов не задавала – неинтересно было. Но почему-то сейчас любопытство вырывается наружу и требует ответов.

– Суханов разговаривает много. Его за длинный язык нужно вывезти в лес и оставить там. Но даже этот придурок иногда полезен. Поэтому пусть живет и радуется.

– Ты о чём?

– Не бери в голову. Потом расскажу.

Вот и весь ответ.

Вика странная. Нет, она и в обычное время такая, но сегодня превзошла себя. Вместо того чтобы идти к Степашкиной, после пар мы спешим домой и по пути забегаем в магазин.

Звягина катит перед собой огромную тележку, набирая в нее все, что на глаза попадается.

– О, смотри, чипсы по акции. Надо затариться. Когда еще такая возможность будет?

Чего?

– Вик, ты не любишь чипсы.

– Ну да, но их любишь ты. – Соседка весело улыбается, легко толкая меня в плечо. – Возьмем все. Людка в гости как-нибудь приедет. А ты сама знаешь, что она больше меня жрет.

– Звягина, здесь еды на целый полк. Ты куда с этим собралась?

– Блин, Шведова, ты достала, честное слово. Будто не подруга, а следователь. Только и слышу от тебя, что тупые вопросы. Мне теперь за все отчитываться нужно?

– Лишь за то, что имеет отношение ко мне.

– Правильно мне Люда говорит, что, живя с тобой, я превращусь в зануду.

– Ну, раз сама Степашкина так говорит, я еще удивляюсь, почему ты не съехала.

– Тусь, вот опять обижаяешься. А ты не понимаешь, что меня бесят твои вопросы?

Да не обзываюсь я. Вот честно. Чем дальше, тем мне становится понятнее, что жить с котами не такая уж и плохая идея. И плевать, что отдельной комнаты у меня не будет. Зато и психов вокруг тоже. И тут я не только Звягину имею в виду.

Телефон в сумке, но я чувствую, что он вибрирует.

– Привет, мам.

Отхожу от Вики к полкам с овощами.

– Дочь, мы там тебе сумку передали, но, как назло, у Валеры машина сломалась. Поэтому тебе самой придется за ней ехать.

– Куда? Домой? Мам, да я думала на следующих выходных только.

– Какой домой? Его на эвакуаторе сейчас в город везут. Часа через три в центре будет.

Я тебе адрес напишу, а ты такси закажи и забери. Я деньги ему в руки дала, мало ли, вдруг банка какая-нибудь треснет или мясо протечет.

– Да не нужно было... Спасибо, мамуль.

– Я что, сама студенткой не была? Деньги всегда нужны. Тебе там и бабушка передала.

Купи себе что-нибудь.

Торт. Нет, два торта и две порции шашлыка из кафе за углом.

Чуть слону не пустила, пока фантазировала.

– Смотри телефон не выключай. Я как позову, сразу же выезжай. Тусь, и ради бога, на такси. Сумка тяжелая, да и нечего тебе по ночам на автобусах кататься. Поняла?

– Поняла.

– Умница моя.

Я развернулась и пошла к Звягиной, которую уже за набитой тележкой видно не было. Хорошо еще, что она думает, будто я на нее обижена. Есть повод не тащить ее пакеты.

– Мама звонила?

Удивленно смотрю на нее. Я что, так громко разговаривала?

– Ага. Давай быстрее на кассу, мне скоро за сумкой ехать надо.

– Ты уезжаешь?

Это что, надежда в голосе?

– Ненадолго. Не думай, что ты успеешь разгромить квартиру. Я сейчас приберусь, потом этого делать не стану. И если что, сразу говорю, перед хозяйкой сама отчитываться будешь. Ясно?

— Ух, грозная Шведова. Это что-то новенькое. Похоже, общение со мной тебе на пользу пошло. Клянусь, я сейчас даже испугалась.

Я из принципа не помогала ей сумки до дома тащить. Сама набрала ерунды всякой, вот пусть сама и несет. Меньше разговаривать будет.

Телефон проверила — мама еще не звонила. И, слава богу, Корнеев не писал. Я, честно, выдохнула от облегчения. А потом и вовсе про него забыла, пока полы мыла и зеркало протирала от отпечатков Викиных рук.

Зягину было не узнать. Она порхала по квартире, как бабочка. Вещи не скидывала в комод, а аккуратно складывала. Даже под диваном пыль вытерла. И еще радовалась, что наконец-то подводку для глаз нашла, которую месяца два назад потеряла.

Я как раз обувалась, когда услышала, что Вика с Людкой по телефону разговаривает.

— Давай быстрее. Я жду. — И отключилась.

— Только не говори, что она сейчас приедет.

Видеть Степашкину не хотелось. Она настолько сложный человек, что ее лучше употреблять дозами. Раз в год, например. А так как с ней буквально на днях общалась, то боялась умереть от передоза.

— Она ненадолго. Юбку свою заберет, и обратно. Иди уже, а то автобус без тебя уедет.

— Я на такси.

— Через сколько вернешься?

Соседка затягивает потуже пояс халата и достает из сумки косметичку.

— Часа через три. Ты опять собираешься за Корнеевым следить? — говорю я, когда вижу, что она берет красную помаду. Она ей красится, только когда намеревается преследовать объект обожания.

— Что? Не-е-ет. Инсту обновить хочу, а то давно фоток не выкладывала. Привезешь вкусняшку?

Вот черт.

Где подвох?

Я закрываю за собой дверь и чувствую: Вика что-то задумала.

В такси я от скуки открыла «Одноклассники».

«Суббота. 22:00. Заеду за тобой, детка».

Отлично, в 22:20 я уже буду дома.

13

– Наталька, прошла бы мимо, ну точно бы не узнал тебя.

Таксист подвез прямо к автомастерской. Дядя Валера, весь перепачканный в мазуте, сначала кинулся обнимать меня, но, слава богу, передумал, и просто подмигнул дочке лучшего друга. И я даже опомниться не успела, как он заплатил водителю и машина скрылась за воротами.

– Я тебя сколько не видел? Месяца два поди, а ты смотри как изменилась.

– Да все такая же, дядь Валер. Как вы? Мама говорила, что на трассе сломались.

– Мне батя твой уже миллион раз напоминал, что ремень генератора поменять надо. А я, пока петух кое-куда не клюнет, делать ничего не буду. Вот и пришлось на дороге полтора часа торчать.

Рукой показывает на открытый бокс, где его приора стоит.

– Ну, давай рассказывай, как дела-то у тебя? Как учеба?

Дядя Валера вместе с папой служит в одной части. Они еще в армии познакомились, вместе служили, так и дружат уже тысячу лет. Я его в детстве Дедом Морозом называла. Всегда с конфетами, с игрушками приходил. Своих детей у него не было, поэтому меня и баловал.

– Да хорошо все. На следующих выходных домой поеду.

– Никто не обижает? Ты сразу звони, у меня с обидчиками разговор короткий, на складе их закрою, будут сидеть, крыс охранять.

– Да кто меня обидеть может? Я ж помню, чему вы с папой учили.

Только вот в ответственные моменты забываю. Но об этом никому знать не надо. А то, когда домой приеду, меня не отыщет ждать, а боксерская груша и курс молодого бойца. Знаю я этих прaporщиков. Уж лучше молчать, иначе не отстанут, пока не уверены, что я любого одним ударом вырубить смогу.

– Молодец, что помнишь. Вот приедешь домой, повторим все. Ты вон какая красавица. Небось, парни уже шеи себе сворачивают. А ты им хрись, и эту шею в другую сторону выкрутись.

– Ну, дядь Валер.

Некому головы-то откручивать.

Конечно, страшилой я себя не считаю. Если меня нарядить, а потом нанести на лицо боевой раскрас, то еще спорно, кого действительно можно будет считать красоткой института. Мне проще не выделяться из толпы. Такое пристальное внимание, какое любит Вика, мне не нравится. Безусловно, лестно ловить на себе заинтересованный взгляд какого-то парня, но оттого и приятно, что это не каждый день происходит.

– Так, а чего мы здесь стоим? Ты голодная, наверное. Пока не накормлю, не отпущу. Мы когда ехали, я видел, что кафе неподалеку было. Айда за мной, откармливать буду. Помнишь, как в детстве мороженым перекормил, а ты потом бегала счастливая?

– Ага. А после с ангиной неделю лежала.

– В школу не ходила. Дядя Валера тебе каникулы организовал, а потом от мамки твоей получил. Я сейчас вспомнил, как она орала, поэтому мороженое больше не проси. От твоей родительницы еще бронежилет не придумали.

– Мы ей не расскажем. А может, лучше в другое место пойдем? Я слышала, что в этом кафе дорого.

Мы подошли к зданию с террасой, про которое в модных журналах пишут. Мне Вика как-то рассказывала о нем, говорила, что тарелка первого стоит больше, чем десятилитровая кастрюля с супом по такому же рецепту, только домашнего приготовления.

– Натка-кнопка, вот вся в отца. Тот вечно экономит, и ты туда же. Ничего, не обеднею, если крестницу свожу в дорогое, как ты говоришь, кафе.

Киваю головой.

Звягина позеленеет, когда узнает, куда я ходила.

Ух ты, глаза разбегаются от такой красоты. Это тебе не обычна придорожная кафешка, где вместо официантов повар еду приносит. Все солидно. Мраморный пол, люстры такие, что в нашу квартиру не влезут. А запах... Викины самые дорогущие духи так не пахнут.

– Так, отставить стеснение. Выбирай то, что хочешь. Ты же меня знаешь, возьму и обижусь. Потом на свадьбу твою не приду и ласточку свою не подарю.

– Ваша ласточка к тому времени уже свое отлетает.

– Конечно-конечно. Это ты сейчас так говоришь, а через месяц домой приедешь и последние вещи на квартиру жениха перевезешь.

Не смешно, конечно, но я улыбаюсь.

И внимания не обращаю, что на нас косятся. Пусть смотрят, не сидеть же нам, как они, будто воды в рот набрали. В кафе много людей, но они почти друг с другом не разговаривают. Даже молодые парочки, которые на вид мои одногодки, сидят тихо-тихо. В таких заведениях так и положено? Или у богатых свои какие-то законы?

– Как там собутыльница поживает? Соседка твоя.

Ух, папа. Ну, не может он молчать. Все расскажет, добрая душа. Они с дядей как две сплетницы – ничего друг от друга не скрывают.

– Да нормально с ней все. Дядь Валер, и не собутыльница она. Один раз было, и как раз на родителей попала.

– Это у тебя там пикиает что-то?

Сначала не поняла, о чем он говорит, а потом звук из своей сумки услышала.

– Я быстро.

Предупредила, а сама за телефоном полезла. А сказала потому, что не любят у нас в семье, когда за столом с телефонами сидят. Мама к такому приучила. Вон даже дядь Валера по этому правилу живет.

– Женихи, наверное, пишут. Дело молодое, но ты смотри, отец твой на танке знакомиться поедет. Он уже договорился насчет аренды.

Женихи, ага, конечно.

Всего лишь Корнеев.

Интересно, у него когда-нибудь трафик интернета закончится? Сколько писать можно?

«Любишь играть в прятки?»

Чего?

«Терпеть не могу».

Быстро отвечаю и залпом выпиваю полстакана сока.

Говорю же, на нервы он действует.

«Жаль. Но поздравь меня, я тебя нашел!»

Вот блин. Он здесь, что ли? А я ведь даже не подумала об этом.

Черт.

– Ты чего головой, как сова, вертишь? Шея, что ли, затекла?

Ох, если бы.

– Добрый вечер.

Вот черт!

Корнеев за моей спиной.

Мужчина удовлетворенно улыбается, а я краснею, как вареный рак.

Может ли человеку так не везти? Мне кажется, что я инфекцию где-то подхватила, под названием неудачникус. Почему Корнеев именно сегодня и именно сейчас зашел туда, куда я пришла? Как такое возможно?

– Ну, привет, – первый заговаривает дядя Валера, который смотрит то на меня, то на Корнеева, и глупо улыбается.

– Увидел Наталью и не смог пройти мимо.

В горле пересохло. Как жаль, что я весь сок уже выпила.

А еще по взгляду папиного друга я понимаю, что секрет он хранить не станет. И уже сегодня родители будут знать про какого-то парня, который не смог пройти мимо их дочери.

Ну, Корнеев. Ну, гад.

– Да ты присаживайся. Знакомиться будем.

– Наталь, ты не против?

Я еще как против.

Не смей рядом садиться. Беги лучше. Куда-нибудь подальше, пока есть возможность.

– Она не возражает. Садись.

Капкан захлопнулся. Удав попал в клетку.

Ой, как стыдно-то сейчас будет.

14

Смотрю на Корнеева. А он, зараза, улыбается. Отодвигает стул, садится рядом, да еще и ногой меня задевает. Дергаюсь, как от удара током, и передвигаюсь на другую сторону стула – от греха подальше.

– Ты чего приперся?

Пользуюсь случаем, пока дядя Валера разговаривает с официанткой и заказывает нам сок. Пристаю к незваному гостю, который сидит себе спокойно, еще больше раздражая расслабленным видом.

– В смысле?

– Корнеев, ты достал уже. Какого черта шпионишь за мной?

– Что делаю?

– Ты глухим-то не прикидывайся. Сначала сообщениями достаешь, потом шантажом заставляешь встретиться с тобой. А потом, словно по велению судьбы, заявляешься туда, где я нахожусь. Тебе это немного странным не кажется?

– Я все думал, как два разных с виду человека могут общаться и жить вместе? А сейчас наконец-то дошло. Вы обе немного повернутые. Но если твоя подруга уже на всю голову, то у тебя пока только проблемы с логикой. Я не шпионил за тобой, Натали. Жаль, что ты могла так подумать.

– Конечно, негоже ведь царям за простолюдинками подсматривать. А если не следил, что ты здесь забыл?

– Вилки дома закончились. Решил здесь парочку стащить. А ты?

Внимательно смотрит на меня, прищурившись. И ведь по лицу и не скажешь, что нагло врет. Только кто может поверить в этот бред? Да даже я понимаю, что если он захочет, то все вилки города будут его, и не только вилки. Все приползут. Кроме меня, конечно. Я – единственная, кто его кобелиный зов не услышит.

Официантка уходит, и дядя Валера разворачивается к нам. Мы с Корнеевым синхронно, как по команде, выпрямляем спины и делаем вид, что шикарную скатерть на столе разглядываем. Только я шумно через нос от злости дышу, а этот дурак «Натали» про себя напевает. Я эту песенку с детства знаю. Мотив могу понять, даже если вы его ногой чеканить начнете.

– Ну, что? Знакомиться будем или так и продолжим шепотом разговаривать?

– Даниил.

– Хоть имя узнал. А я Валерий Евгеньевич. Можно просто Валерий Евгеньевич, я не обижусь.

Я от смеха прыскаю, а вот Корнеев и ухом не повел, кивнул и руку мужчине пожал. И не выдернулся, когда дядь Валера ее с силой сжал. У него хватка знаете какая? Орлы из части здороваться с ним боятся. Переживают, что косточки сломает. А мажорик вон ничего, пожал и на место сел, будто его сейчас на прочность и не проверяли.

– Как я понял, с Натальей нашей вы не друзья.

Вот что значит умный человек.

Сразу понял, что меня с этим парнем вообще ничего связывать не может. Совершенно ничего, кроме кислорода, которым мы дышим.

А я-то переживала, что сейчас шоу «стыд и позор» начнется.

Выыхай, Тусенция, выыхай.

– А вы это как поняли?

Чуть соком не подавилась. Этот говорун мне салфетку протягивает, а сам цыкает, мол, аккуратнее надо быть.

Аккуратнее?

В первую очередь надо рот на амбарном замке держать. А во вторую не задавать посторонним людям глупых вопросов.

– Я эту принцессу с детства знаю. Уж поверь, могу отличить, когда она людям рада, а когда готова их на полигон вывезти и вместо мишеней поставить.

– И меня она хочет…

– Она ничего не хочет, – влезаю я. Сколько можно обо мне в третьем лице разговаривать? – Дядь Валер, Корнеев – парень моей соседки.

Глаза обоих мужчин на лоб лезут, а брови отрываются от насиженного места и взмыают вверх.

– У-у-у, – тянет дядь Валера и заметно расслабляется. – Сочувствую. Кнопкин батя рассказывал, какая у нее соседка.

Давай, Корнеев. Не подведи. Не вздумай вrushкой выставить, хоть я в данный момент ею и являюсь.

– Спасибо за сочувствие, но кому сейчас легко?

Он немного ко мне наклоняется, пока папин друг кусок мяса режет.

– А тебя в детстве не пугали, что из-за вранья язык отсыхает?

Пугали. Еще как пугали. Но объясняли, что ложь бывает во благо. И вот чую, что это как раз подходящий случай подпортить себе статистику добрых дел.

Кручу головой, пытаясь невинную улыбку на лице изобразить, чтобы никто и не понял, какой адреналин во мне сейчас бушует.

– Корнеев, не вздумай что-то сказать. Ты уйдешь, а мне потом разгребать все придется. Поверь, если папа узнает, что его доченьку типы всякие достают, то под твоими окнами будет стоять вся военная часть с автоматами. Оно тебе надо?

– А я рисковый парень, детка.

– Я тебя очень прошу…

Вот блин.

– Проси. Я слушаю.

– Вы чего там шушукаетесь? – на этот раз дядь Валера вклинивается в разговор. Видать, надоело ему с мясом скучать.

Домой хочу.

И плевать, что там странная Звягина.

Я хочу наконец-то свалить из этой психушки для богатых и чертова Корнеева больше не видеть и не слышать.

– Наталья подсказывает, что «моей девушке» на день дурака подарить. Она ведь ее лучше знает, – ловко выкручивается парень. И это он меня еще стыдил за обман.

Эх, Корнеев.

Радует, что на божьем суде не одной мне стоять и унижаться.

– Ты ей только спиртное не дари. А то опять под диваном бутылки будут.

Ей-богу. Мужики – те еще сплетники.

– Дядь Валер, нельзя так за спиной говорить. Вики здесь нет.

– Кнопка, да я ж не со зла. Да и парень должен сам все знать. – Мужчина, видно, понял, что лишнего сказал, и слегка покраснел.

Да и мне как-то неловко стало, что я на него прикрикнула. Но все равно считаю, что поступила правильно.

– Не бушуй. Видел я твою соседку под ручку с градусом. То еще зрелище.

Вот за что мне все это?

– Так, Туська, идти надо. Из мастерской написали, что машина готова. А мне тебя еще на такси с сумкой сажать. – Дядя Валера встает и всем видом демонстрирует, что и мне пора.

А я ж с радостью. Только этого и ждала. Подскакиваю и через ноги Корнеева козой резвой перепрыгиваю. А тот и не думает их убирать. Улыбается еще.

– Пока, Корнеев. Вика привет передам.

И он встает.

– Не нужно такси. Я Наталью подвезу, – говорит парень скорее дядь Валере, чем мне.

А у меня внутренний голос орет: «Не-е-е-е-ет!» Странно, что его всем не слышно.

– Не нужно. Я сама доеду. А тебя дела ждут. Ты ж не просто так сюда пришел.

Давай же. Понимай прямой намек и уходи. Не собираюсь я с тобой ехать. Уж лучше пешком, чем с Корнеевым в одной машине.

– Дела сделаны. Я тут с другом был. И он, скорее всего, меня не дождался. Наталь, ты не переживай. Довезу с ветерком.

– Корнеев, сказала же «нет», – настаиваю я на своем и с места не двигаюсь.

– Сыпал, что дама сказала? Не хочет она с парнем подруги ехать. Хорошая она у нас. Пошли, кнопка. Такси тебе искать будем.

Как же славно, что есть люди, которые умеют слушать и слышать. К Звягинскому кумиру, это, конечно же, не относится.

На этот раз Корнеев не спорит. Мы выходим из кафе и направляемся в сторону мастерской, когда я слышу звук своего телефона.

«Мое вранье будет очень дорого стоить, кнопка».

Хм... не удивил.

Даже представлять не хочу, какие у него расценки.

Еще минут сорок я не могла уехать. Сначала не было связи, чтобы такси заказать. Потом мы выяснили, что сумка-то все-таки протекла – пришлось искать пакеты, чтобы салон не залять.

Я выдохнула, когда оказалась возле своего подъезда. Шум из какой-то квартиры меня не смущил. В нашем доме почти вся жилплощадь сдается, так как институт в шаговой доступности. Взрослые живут, конечно, но их мало. И, по роковой случайности, в основном все на нашем этаже. Вика периодически возмущается по этому поводу. Мол, всем повезло с соседями, а ей – нет.

На лифте я поднялась на свой этаж.

Меня встретила взрослая соседка в халате. Вернее, она атаковала нашу дверь резкими ударами половника. Тут-то я и поняла, кто организатор этого веселья.

– Наталья, это что происходит? Вы время видели? Я сейчас полицию вызывать буду.

– Подождите с полицией. Я разберусь.

Сначала Звягину с балкона выкину, а потом можно будет вызывать полицию.

Своим ключом открываю дверь и вижу огромную толпу людей. Разбросанные бутылки, окурки, которые на комоде валяются. Кто-то танцует, кто-то спит на диване или на полу. Еле сдерживая себя, чтобы не закричать, иду на поиски Звягиной. Нахожу быстро. Она в моей комнате в наушниках сидит и журнал свой листает.

– Вика, какого черта?

Сейчас я согласна с родителями.

Пора съезжать.

15

– Звягина, какого фига эти алкаши делают в нашей квартире?

– Да не ори ты так. – Вика встала с кровати, прошла по комнате и закрыла за мной дверь. – Опозориться хочешь?

– Издеваешься, что ли? Тебя это сейчас волнует? Соседка собирается в полицию звонить. Ты хоть представляешь, что с нами будет, если сюда патруль приедет? Хозяйка нам пинка под зад даст и задаток месячный не вернет. Но, конечно, это все мелочи, главное же отличную вечеринку закатить.

– Никто никого вызывать не будет. Под дверью поворчит, вату в уши положит и спать пойдет. Шведова, прекращай ругаться. И без тебя тошно.

Вот и ответ. А чего я ожидала? Что девушка моментально разгонит всех по домам и начнет убираться, извиняясь за это? Думала, что Вике стыдно станет? Да скорее мужик родит, чем к Звягиной осознание придет. Почему ей спокойно не живется? Мы как договаривались в первый день, когда заехали: ораву в квартиру не приводим, на соседей – не наываемся, за собой – убираем. Вика за один вечер решила нарушить все священные правила совместного проживания.

– Что? Голова разболелась или табачным дымом надышалась? Звягина, вперед и с песней друзей выпроваживать, иначе это сделаю я.

– Тусь, – жалостливо просит девушка. – Я тебя как подругу прошу, потерпи. Еще немного, и они сами уйдут.

Многострадальная дверь бьется о стену, и на нас смотрит обнимающаяся парочка.

– Вы здесь надолго? Мы со Светкой уединиться хотим.

Пьяный чудик икает и отходит от двери, освобождая нам путь.

Капец. Из своей же комнаты выгоняют.

– Пошли вон отсюда, – Вика как с языка снимает фразу, которую я только хотела сказать, и кидает в сторону парочки увесистый журнал. – Быстро. Говорила же, что в эту комнату заходить запрещено.

– Скоро уйдут, да?

– Шведова, я тебя умоляю, просто подожди. Сейчас кто-нибудь позвонит Суханову, тот обязательно приедет, он вообще вечеринок не пропускает. Он прихватит с собой Даню. И все. Я обещаю, что тут же всех разгоню, и мы вчетвером посидим.

– Вик, ты дура?

– Так и знала, что ты не поймешь.

Дверь снова открывается, и мы уже в один голос посыпаем кого-то в далекий пеший поход по известному адресу.

Кто, вообще, все эти люди?

Я пока до комнаты добиралась, ни одного знакомого лица не увидела. Никого из института здесь точно нет. Где Звягина набрала этих любителей халевной еды?

– Не пойму. И ждать никого не собираюсь.

– И ты с легкостью сможешь меня подставить?

– Если ты это так понимаешь, то да. – Смотрю на нее, пытаясь хоть каплю раскаяния разглядеть. Но его попросту нет. – Смогу.

Я придирчиво изучаю квадратные метры, на которых живу. Сюда, кроме Вики, никто не заходил. Это, конечно, радует, но не настолько, чтобы обо всем забыть.

– Тусь, пожалуйста. Я уверена, что Даня вот-вот приедет.

– Да ты достала с этим Корнеевым. Твой мозг о ком-то другом может думать? То ты говоришь, что скоро переезжаешь к нему. То устраиваешь пьянку, чтобы его сюда заманить. Где логика, Звягина?

– Ты сама заставила меня так сказать!

Я заставила? Я говорила, что нужно прекращать следить за парнем и перестать быть на голову больным stalkером. Она эти слова расценила по-своему, что ли?

– Ты. Не делай сейчас такое удивленное лицо и не прикидывайся овечкой. Ты сколько раз смеялась надо мной? Сколько раз говорила, что у меня ничего не получится? Не встречалась я в тот день с Корнеевым. Довольна? Можешь смеяться и тыкать пальцем в неудачницу. Ты ведь такой меня считаешь?

Молча смотрю на Вику. Она не истерит, не плачет и не кидает, что под руку попадет, в стену. Она разговаривает. Пусть и о чем-то бредовом. Это даже удивительно, что она придумала такое, чтобы передо мной не выглядеть глупо.

– Нет. Такой я тебя не считаю.

Другие слова использую.

Что-то мне больше и говорить уже не хочется. Не в этот раз и не по этому поводу.

– Да хватит врать. Я не настолько глупая, чтобы ничего не замечать. Тебе весело, когда я унижаюсь и бегаю за ним.

Просто ушам своим не верю.

– Вик, честно, ты переоцениваешь мою значимость. Это твоя жизнь. Хочешь бегать за человеком, который внимания на тебя не обращает, – вперед. Каблуки сними и беги. Хочешь продолжать унижаться? Я не останавливаю. Но, Звягина, я не стою того, чтобы из-за меня врать. Серьезно. А теперь освободи квартиру от нашествия любителей выпивки.

Надеюсь, прямо сейчас этот кошмар закончится.

– Нет.

– Еще раз...

– Я не буду никого выгонять, пока Даня не приедет.

– Вот хозяйка квартиры удивится, когда это все увидит. Она ведь завтра приезжает. Мы ради нее квартиру ватной палочкой драили. Или же...

– Я не хотела, чтобы Даня приехал в бардак.

Интересно, когда у меня на лбу появилась неоновая надпись «наивная дура»?

Но Звягина молодец. Я в этом плане даже подвоха не заметила. Правильно мама говорит, что от доброты умирают чаще, чем от укуса змеи.

Разворачиваюсь и иду к двери. Вопрос: я за свое действие с волосами останусь или нужно бояться свою разгневанную соседку?

Выключаю колонку, стоящую на столе в гостиной, и тут же оказываюсь в эпицентре внимания.

– Расходимся! Вечеринка окончена! По домам!

Думаете, на мой крик кто-то внимание обратил?

Не надейтесь. Посмотрели и продолжили развлекаться, только уже без музыки.

– Я сказала: быстро встали и вышли!

Жаль, что командирский голос с генами не передается. Мне бы мамин рык сейчас помог. Но ладно, если Звягина по-хорошему не понимает, то будем действовать ее же методами.

Я направляюсь к девушке, а она так и продолжает стоять в проеме двери с руками разведенными, словно говорит: «И это все, на что ты способна?»

Нет, Викуля. Это не все.

– Хочешь Корнеева в гости? Я с радостью помогу тебе в этом.

У нее в глазах паника? Что-то новенькое.

– Ты что собралась сделать?

И куда-то самоуверенность делась.

– Корнеева твоего в гости приглашу. Передам, как сильно ты его ждешь.

Для правдоподобности телефон из кармана достаю и про себя считаю до трех.

Три.

Два.

– Ты не посмеешь. У тебя даже нет его номера.

Меня за руку заталкивают в комнату, и дверь с грохотом за нами закрывается.

– Ты столько раз его номер вслух говорила, что несложно и запомнить.

Вру.

Блефую, но это единственный шанс лечь спать.

Не знаю я наизусть номер идиота, из-за которого наша квартира в какой-то притон превратилась. Но Вика и правда вслух эти цифры повторяла. И если бы мне было интересно, то я бы точно запомнила. А так как мне было плевать, то...

– Шведова, пожалуйста...

– Звягина, или ты всех выгоняешь, или я ему набираю. Из комнаты слышен звук разбитого стекла. Отлично, там, кроме вазы хозяйской, стеклянного ничего не было. Пусть потом сама объясняется.

– И наряд полиции еще вызову. Чувствую, что только они смогут с этим справиться.

А вот теперь другой разговор.

Вика матерится себе под нос, а затем вылетает из комнаты, крича и толкая людей в спину:

– Домой! Менты едут! Быстрее!

– Такси ждет. Меняем локацию!

Чувствую ли я себя гадиной? Нет. Конечно, немного паршиво на душе, но понимаю, что по-другому никак.

Минут через двадцать в квартире остались мы и какой-то парень, который спал в ванной. Его разбудить Вика так и не смогла.

– Я тебе этого никогда не прощу.

– Переживу. Тем более завтра начну искать другую квартиру.

На автомате иду в свою комнату, падаю на кровать.

Вика за стенкой гремит бутылками, и кажется, что делает это специально, привлекая к себе внимание.

А я счастлива, что наконец-то этот день закончился. Неужели сон?

Ага. Как же.

Дергаюсь, когда телефон вибрирует в руке.

«Доехала?»

Даже улыбаться лень, читая сообщение от Корнеева.

«Да».

Отвечаю, чтобы отстал поскорее.

«Спокойной ночи, Натали».

И через секунду новое оповещение:

«Завтра рассчитаемся с твоим долгом».

Супер. Еще коллектора на мою голову не хватало. Одно радует, съеду от Звягиной, и про Корнеева можно будет забыть.

16

Ни утром, ни вечером со Звягиной мы не разговаривали. В институте как-то на автомате сразу же пошли на новые места и все пары сидели отдельно. Краем глаза я видела, что она окружила себя свитой первокурсниц, которым рассказывала что-то про косметику, лучшие клубы и ларьки, где без паспорта можно купить все что угодно. Последнее занятие она прогуляла. Поэтому, перед тем как зайти в квартиру, я пару минут постояла в подъезде, пытаясь подготовить себя к возможному скандалу.

Открыв дверь, оглядываю тесную прихожую, которая еще утром напоминала обычную свалку, куда выбросили хлам всего города. Интересно, приходила ли сегодня хозяйка?

Глаза на лоб лезут, когда вижу, что полы вымыты, наша обувь стоит на своем месте, и даже пахнет чем-то приятным. Конечно, вчерашний табачный дым еще чувствуется, но уже не так в нос бьет.

Попыталась понять, что Вика снова задумала, но вариантов никаких не было.

Если она осознанно пошла на разгром квартиры, чтобы Корнеева в свое логово заманить, то она точно на попутни не остановится. Какой у нее там жизненный план был?

Черт.

Вика столько всего рассказывала, только я все мимо ушей пропускала. Головой кивала, иногда поддакивала, а сама своими делами занималась. Жаль, любая информация мне бы сейчас очень помогла.

Радует, что в квартире я одна нахожусь. Звягиной нет. Получается, она за собой все тут прибрала, а потом ушла до моего появления. Странно и одновременно здорово, мне не придется дышать гадостью, и есть отсрочка перед предстоящей встречей.

Появилась возможность заняться поиском комнаты в абсолютной тишине.

Идеально.

И снова здравствуй, сайт с объявлениями. Я только недавно распрошлась с ним, уверенная, что больше не придется заново мониторить страницы. Но нет. Как оказалось, счастье было коротким, и мне опять понадобилась его великая помощь.

Не помог, гад.

Тысячи объявлений, куча различных вариантов, но ничего подходящего нет. Сначала я раз пятнадцать попадала на риелторов, заламывающих за свои услуги такие проценты, на которые я смогла бы вполне себе прожить целый месяц. Потом наступила череда агентств. Ох. Эти были всех милее. Разговаривали так любезно, будто им сама королева Великобритании позвонила и захотела комнату в душке снять. Правда, они деньги вперед просили. Недоверчивые какие. С ними я тоже быстро прощалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.